

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра романской филологии

Путинцева Ольга Андреевна

Грамматические особенности просторечия в
ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени бакалавра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ламина К.В.

Рецензент: к.ф.н., доцент Зернова Е.С.

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	с.3-4
Глава I Теоретические аспекты изучения просторечия.....	с.5-25
§ 1.1 Просторечие как междисциплинарное понятие.....	с.5
§ 1.2 Просторечие как элемент нелитературности	с.7
§ 1.3 Просторечие в системе русского языка	с.8
§ 1.4 Виды просторечия.....	с.10
§ 1.5.1 Просторечие в системе испанского языка.....	с.11
§ 1.5.2 Термин «просторечие» в испанском языке.....	с.13
§ 1.6.1 Разговорный стиль, разговорная речь и просторечие.....	с.15
§ 1.6.2 Испанская разговорная речь.....	с.17
§ 1.6.3 Просторечие, жаргон и сленг.....	с.20
Глава II Морфологические особенности просторечия.....	с.26-
§ 2.1 Предмет грамматической стилистики.....	с.26
§ 2.2 Просторечие в сфере имени существительного.....	с.29-35
§ 2.2.1 Артикль и притяжательные местоимения с именем собственным.....	с.29
§ 2.2.2 Изменение категории рода.....	с.30
§ 2.2.3 Изменение категории числа.....	с.34
§ 2.3 Просторечие в системе местоимения.....	с.35-41
§ 2.3.1 Леизм, лаизм и лоизм.....	с.35
§ 2.3.2 Вторичная морфологизация местоимения “ <i>cual</i> ”.....	с.40
§ 2.4 Просторечие в системе прилагательного.....	с.41
§ 2.5 Просторечие в системе глагола.....	с.43
Глава III Синтаксические особенности просторечия.....	с.52-74
§ 3.1.1 Персонализация безличных глаголов.....	с.52
§ 3.1.2 Позиция неударных местоимений при глаголе.....	с.59
§ 3.1.3 Согласование подлежащего и сказуемого.....	с.61
§ 3.2. «Декеизм» и «кеизм».....	с.62
§ 3.3 Просторечное употребление предлогов.....	с.70
§3.4 Просторечное употребление наречий.....	с.72
Заключение	с.75-76
Список использованной литературы	с.77-81

Введение

Отношение к просторечию как к языковому феномену в современной лингвистике является довольно противоречивым, однако чем бы его ни считали – «пороком языка», «нелитературностью» или, наоборот, полноправной частью языковой системы, изучение данного аспекта необходимо и представляет большой интерес, так как оно способно пролить свет на происходящие в языке процессы и изменения.

Разработка проблем, связанных с просторечием и его грамматическими особенностями, является актуальной в связи с происходящим процессом стирания границ между литературным и нелитературным употреблением и снижением общей окраски литературной разговорной речи из-за участвовавшего проникновения в нее просторечных элементов.

В настоящее время данная тема пока еще не получила достаточного освещения в отечественной испанистике. В зарубежной науке, насколько нам известно, также не существует монографического исследования, в котором анализировались бы грамматические особенности просторечия, характерные для всего пиренейского национального варианта испанского языка на современном этапе. Комплексное рассмотрение этих особенностей составляет новизну нашего исследования.

Целью данной работы является рассмотрение имеющегося теоретического материала о просторечии в русском языке и пиренейском национальном варианте испанского языка, выделение основных характерных для просторечия грамматических особенностей, а также наблюдение за функционированием просторечных образований на языковом материале.

Задачи данного исследования заключаются в: 1) определении понятия просторечия и его отношений с литературным языком, нормой, разговорной речью и связанными с ней явлениями жаргона и сленга; 2) в кратком обзоре теоретических аспектов функционирования просторечия в системе русского

языка; 3) в рассмотрении термина «просторечие» и связанных с ним проблем; 4) в исследовании морфологических особенностей просторечия в сфере имени существительного, местоимения и глагола и возможных причин появления данных особенностей; 5) в изучении проявления просторечия на уровне синтаксиса.

В качестве метода исследования были использованы описательно-сопоставительный метод исследования научной литературы по заявленной теме, метод сплошной выборки примеров из некоторых современных разговорных текстов испанских авторов и корпуса текстов CREA (Corpus de Referencia del Español Actual). Данный корпус представляет собой собрание устных и письменных текстов различного происхождения и тематики, отражающий состояние испанского языка в определенный момент его истории (1975 – 2004 гг.). Письменные тексты, составляющие 90% корпуса, взяты как из художественных произведений (49%), так и из прессы (49%) и других источников (2%): брошюр, печатных проспектов, электронных писем, блогов и др. Устные тексты (10%), в большинстве случаев, взяты из радио- и телепередач. Географически материал корпуса распределен между Испанией (50%) и странами Латинской Америки (50%)

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТОРЕЧИЯ

§1.1 Просторечие как междисциплинарное понятие

Понятие просторечия невозможно рассматривать в отрыве от таких понятий, как кодифицированный литературный язык, литературная норма, социальная дифференциация общества, разговорный стиль и разговорная речь, поэтому для более точного определения просторечия как явления языкового и социального необходимо обратиться, прежде всего, к стилистике, функциональной стилистике и социолингвистике.

Обратимся к понятию кодифицированного языка. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило в статье, посвященной данному явлению, указывается, что кодифицированный язык – это язык, обработанный в соответствии с языковыми нормами. К кодифицированным формам языка относятся литературный язык и терминология, а к некодифицированным – диалекты, просторечие и жаргоны. (Жеребило 2010: 155)

Само просторечие, согласно статье в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», представляет собой одну из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком, составляющую вместе с народными говорами и жаргонами устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации — народно-разговорный язык. Просторечие имеет наддиалектный характер и, в отличие от говоров и жаргонов, есть понятная для носителей национального языка речь.

Просторечие является универсальной категорией и самобытной речевой сферой национального языка. В каждом из национальных языков оно имеет

специфические особенности и свои особые взаимоотношения с литературным языком. Просторечие — термин русистики, поэтому можно говорить лишь о сходных по функциям и составу сферах в других конкретных национальных языках. (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 402)

Национальный язык как определенная форма существования языка – это совокупность литературного языка и его различных литературных вариантов. Отличие литературного языка от диалектов и различных видов просторечия прежде всего в том, что литературный язык является полифункциональным образованием и его развитие в значительной мере обуславливается влиянием экстралингвистических факторов, которое особенно возрастает в период общественных и социально-культурных сдвигов. Литературный язык находится в сложном соотношении с его внелитературными вариантами: диалектами, полудиалектами, различными видами просторечия. (Щур 1977: 264)

Так как просторечие составляет устную некодифицированную сферу общенациональной коммуникации, то оно вступает в определенные отношения с разговорной речью и разговорным функциональным стилем. В разговорной речи, среди прочих особенностей, которые мы осветим позднее, наблюдается тенденция к использованию речевых средств, тяготеющих к области нелитературного, т.е. просторечия, жаргонизмов и т.д.

Просторечие, как «наддиалектная нелитературная разновидность языка горожан с невысоким уровнем культуры», является также социолингвистическим индикатором, демонстрирующим социальный статус говорящего, соприкасаясь здесь с социолингвистической наукой. (Жеребило 2010: 290)

Социолингвистика как научная дисциплина развивается на стыке языкознания, социологии, этнографии и социальной психологии. Объектом ее изучения является широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия

социальных факторов на язык и ролью языка в жизни общества. Проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, а также характер взаимосвязей между языковыми и социальными структурами – одна из основных проблем, изучаемых социолингвистикой. (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 481- 482)

Явление просторечия характерно для всех уровней национального языка, поэтому оно также рассматривается науками, занимающимися изучением различных подсистем языковой системы, т.е. фонетикой, лексикологией, грамматикой и синтаксисом. Так, просторечие на фонетическом уровне проявляется в неправильном, неточном произношении и смещении ударения, на уровне лексики – в существовании особых лексических единиц с присущим им просторечным значением, на уровне грамматики и морфологии – в грамматических отклонениях и нарушениях правил грамматики и словообразования конкретного языка.

§1.2 Просторечие как элемент нелитературности

Национальный язык, реализуясь в разных формах и планах, составляет определенное коммуникативное пространство. Нелитературность является составной частью этого пространства, поэтому ее следует рассматривать как речевой феномен, языковое явление и явление коммуникации. Хотя литературный кодифицированный язык и просторечие противопоставлены, норма и ошибка являются языковыми феноменами всей системы. Ошибка возникает не только при нарушении литературной нормы. (Шапошников 2011: 5)

Однако необходимо отметить, что в языковой реальности и речевой практике существуют степени нелитературности. Даже в основе малограмотной речи лежит общенародный язык с присущим ему грамматическим строем и лексикой. Чем больше в речи нелитературных единиц, тем более насыщенным становится дискурс просторечия. С другой стороны, существуют языковые факты, находящиеся на грани литературной

нормы. Они понятны и употребительны, особенно в устной речи, обладают яркой стилистической окраской и в устной речи могут быть употреблены как нейтральные, хотя и считаются ненормативными в письменных стилях. (Там же. С.7)

Вопрос о взаимоотношении просторечия и разговорной речи сложен. Просторечие граничит непосредственно с разговорной речью – речью носителей литературного языка, и соответственно, хотя и менее тесно, с собственно литературным языком. При наличии этого феномена не всегда удается легко провести границу между фактами просторечия и разговорной речи как периферийной зоны литературного языка. Одной из отличительных особенностей для данного разграничения является неустойчивость, т.е. колебания в общелитературных нормах. (Там же. С. 27-28)

§1.3 Просторечие в системе русского языка

На современном этапе просторечие как феномен русского языка изучено достаточно хорошо на всех языковых уровнях. На материале русского языка просторечием занимались многие исследователи, например В. М. Жирмунский, В. Д. Девкин, Л. И. Баранникова, В. В. Химик, В. Н. Шапошников и др. Оно является актуальной и объективно существующей формой живой речи носителей русского языка.

Согласно определению просторечия в словаре лингвистических терминов, сегодня просторечие в русском языке является языком малообразованного городского населения. Как указывает В. В. Химик в работе «Русское просторечие как лингвистический феномен», просторечие – это «так называемый язык улицы, система многочисленных бытовых номинаций, референций и экспрессий, без которых русский человек не обходится в самых обычных ситуациях спонтанной речи». (Химик (2) 2000: 269)

Просторечие является периферийной областью русского языкового пространства и специфической сферой устно-разговорного нелитературного

и даже вульгарного общения. Как субстандартный подъязык оно связано с массовой, городской, популярной культурой, занимая срединное положение между литературным языком сверху, и профессиональными, социальными и территориальными подъязыками, жаргонами, диалектами - снизу.

В просторечии как в подсистеме единой языковой нормы действуют общие языковые законы, а также некоторые субстандартные тенденции. В некотором смысле просторечие является «полигоном для разговорной речи», т.е. той сферой, где происходит обработка языковых единиц, которые впоследствии, возможно, станут частью языкового стандарта. (Химик (2) 2000: 269).

Проникновение просторечия в литературный язык через разговорную речь является одним из направлений их взаимодействия. Масштабы данного процесса не стоит преувеличивать, так как количество перешедших в литературный язык просторечных единиц достаточно мало. В основном элементы просторечия остаются в сфере разговорной речи и в большинстве случаев сохраняют присущую им коннотацию сниженности и стилевую ущербность.

Другое направление взаимодействия данных феноменов реализуется в литературизации просторечия, т. е. переходе литературных элементов в речь менее образованных слоев населения и бытовой регистр общения образованных носителей. Данный процесс обусловлен изменениями бытовой стороны жизни, что ведет к языковым изменениям и изменениям устной сферы общения. Сегодня в социальном целом уже нет слоев населения, общающихся только на просторечии в его традиционном безальтернативном виде.

Однако можно сказать, что сегодня доля просторечия в коммуникации увеличилась. Это связано с частотностью использования просторечного материала в прессе, в интернете и художественной литературе. Многие из тех, кто сегодня вовлечен в публичную жизнь, не вполне хорошо и глубоко владеют литературным языком и не обладают ораторскими данными, из-за

чего их разговорная речь часто насыщена просторечием. Просторечный материал может встречаться и функционировать не только в устной, но и в письменной сфере (компьютерные жанры общения, переписка, блоги). (Шапошников 2011: 129-130)

§ 1.4 Виды просторечия

Следует отметить, что сегодня взгляд на просторечие как на явление, характерное только для малообразованных слоев населения, не является правомерным. Как уже упоминалось выше, употребление ненормативных просторечных элементов во многом определяется социальным статусом говорящих, однако этим сфера употребления не ограничивается. Необходимо признать существование трех разновидностей просторечия, соответствующих разным типам речевого поведения. Выделяются натуральное и функционально-регистрационное просторечие. Натуральное просторечие – это естественная речь тех носителей, кто не может говорить иначе, так как они не владеют литературной нормой на достаточном уровне.

Функционально-регистрационное просторечие обладает преднамеренностью: носитель сознательно использует просторечные единицы в зависимости от его коммуникативного намерения и ситуации в целом и осознает факт отступления от языковых норм, так как обладает устойчивыми навыками литературной речи (Химик (1) 2000:201-202). Такое употребление нелитературных единиц со сниженной стилистической характеристикой служит для выражения особой экспрессии и упрощения речи, для языковой игры и резко негативной оценки.

Как следует из вышесказанного, просторечие в системе русского языка обладает определенными стилистическими функциями и экспрессивными возможностями, предоставляя говорящему дополнительные средства для эмоционального самовыражения и массового словотворчества (Шапошников 2011:157). Просторечие можно считать самым доступным и потому самым массовым проявлением стихийной народной поэтики. (Химик (1) 2000: 4)

Между двумя вышеуказанными крайними типами можно выделить еще и смешанный тип, являющийся самым распространенным. Если при функциональном типе носитель обладает навыками литературной нормы, то представители смешанного типа не умеют в достаточной мере контролировать свое речевое поведение и переключают регистры речи только в крайних ситуациях от бытовой произвольной речи к официальному общению. (Там же, С. 204- 205)

Неосознанность употребления материала является общим признаком и свойством просторечия, поэтому в зависимости от степени осознания можно выявить существование степеней реализации просторечия и уровней просторечности в коммуникации.

Современное городское просторечие – явление неоднородное, так как в последнее время наблюдаются изменения, затрагивающие как состав носителей, так и лингвистический материал. Разговорно-просторечная стихия стала включать в себя уличные речения, элементы жаргона, профессиональные выражения и наиболее устойчивые формы старого просторечия. (Шапошников 2011: 168-9)

§ 1.5.1 Просторечие в системе испанского языка

Испанский язык в качестве литературного языка функционирует в Испании и странах Латинской Америки, распространяясь, таким образом, на огромную территорию. По своей внутренней структуре он един, однако использование социально-функционального «неделимого фонда» структурных элементов имеет в каждом национальном варианте известные различия. (Степанов 1977: 27)

Если социальную стратификацию испанского языка условно представить в виде трех стратов, считая литературный стандарт в устной и письменной формах высшим стратом, обиходно-разговорную речь - средним, а диалект, просторечие и сленг – низшим стратом, то в различных ареалах

внутриструктурные элементы, во многих случаях, оказываются распределены по-разному. (Там же, С. 31)

На данную дифференциацию социально-функциональных подсистем влияют несколько факторов. Объективным фактором можно признать различия в соотношении и взаимодействии устной и письменной форм испанского языка в сравниваемых ареалах. Субъективным же фактором являются расхождения в ценностной ориентации в отношении языковой нормативности/ ненормативности. В странах Латинской Америки увеличение частоты использования таких низовых форм речи, как диалект и просторечие повлекло за собой рост их престижности, и как следствие изменилась шкала ценностной ориентации в отношении целого ряда внутриструктурных элементов. (Там же, С. 29)

В связи с этим, представляется логичным вывод о том, что просторечие необходимо рассматривать отдельно для каждого национального варианта испанского языка. В данной работе мы будем рассматривать просторечие в системе пиренейского варианта испанского языка.

Просторечие как языковое явление уже привлекало внимание исследователей как Испании, так и Латинской Америки, хотя по большей части, изучение особенностей просторечия фокусировалось либо на определенных географических зонах и городах, либо выражалось в анализе художественных произведений авторов, активно использующих просторечие для создания речевой характеристики героев и местного колорита. Мы можем привести несколько примеров таких работ: “*Notas para el estudio del habla de Madrid y su provincia*” А. Килиса, “*Arniches y el habla de Madrid*” М. Секо, “*La lengua popular madrileña en la obra de Pérez Galdós*” Х. де Ониса и др.

В целом, можно сказать, что просторечие в испанском языке в настоящее время претерпевает те же процессы, что и просторечие в русском языке. По наблюдению Х. де Ониса, проникновение просторечия в литературный язык и литературизация просторечия являются неоспоримым фактом, что хорошо заметно в диалогах персонажей-представителей разных социальных групп в

произведениях Б. П. Гальдоса. Просторечие в испанском, как и в русском языке, представляет собой живое творчество носителей, оно живописно, часто грубо, но не лишено юмора и выражает дух народа. (De Onís 1949: 354-55)

§1.5.2 Термин «просторечие» в испанском языке

В испанской традиции существуют два термина для обозначения понятия просторечия: *lenguaje popular* и *lenguaje vulgar*. (Большой русско-испанский словарь 2000: 522). Часто оба эти термина даются вместе как синонимы, хотя многие исследователи оспаривают их синонимичность и склонны разделять их, представляя *lenguaje vulgar* явлением более конкретным, узким и входящим в состав *lenguaje popular*. В таком случае, *lenguaje popular* приравнивается к разговорной речи, т.е. к *lenguaje coloquial*, и включает в себя такие явления как обиходно-бытовую речь, жаргон, сленг, профессиональные аргы и просторечие. При рассмотрении данной классификации, было бы уместнее считать термин *lenguaje popular* более подходящим для обозначения неформального языкового регистра, который противопоставлен формальному регистру, т.е. книжной речи (*lenguaje culto*) и стандартному регистру (*registro estándar* или *medio*).

Регистр, согласно Словарю социолингвистических терминов, является языковой подсистемой, регулируемой параметрами ситуации общения (типом ролевых отношений, коммуникативного акта и обстановки). (Словарь социолингвистических терминов 2006: 312)

Однако заметим, что и такое соотнесение поддерживается не всеми учеными. К примеру, М. Секо считает, что *lenguaje popular* и *lenguaje coloquial* не одно и то же, и объединение данных двух феноменов в одно является отголоском типичной тенденции. По его мнению, речь идет о разных измерениях, *lenguaje popular* принадлежит к сфере языка, а *lenguaje coloquial* – к сфере речи, это регистр, выбранный говорящим в зависимости от ситуации общения. Термин *lenguaje popular* употребляют ради экономии,

когда говорят о *lenguaje coloquial popular*, т.е. для обозначения более низкого уровня разговорной речи, тогда как есть еще и средний уровень – *lenguaje coloquial medio*. Причиной такого смешения, по мнению М. Секо, является постоянный переход элементов из одного уровня в другой, т.е. из более низкого в средний, хотя нельзя утверждать, что это единственное и самое частотное направление перехода. (Seco 1984: 7)

Книжная речь характеризуется точностью, строгостью и структурированностью, что отражается на всех уровнях языка в виде четкого произношения, разнообразия используемых лексических единиц, большого количества культизмов латинского происхождения, использования слов-связок и грамматически правильного оформления предложений.

Стандартный регистр характерен для большинства говорящих, которые принадлежат к среднему социокультурному слою, а также для средств массовой коммуникации. Основными его чертами являются экспрессивность и естественность. Эти же черты присущи и неформальному регистру, представленному разговорной речью и просторечием, однако, к ним добавляется субъективность. Основные отличия просторечия и разговорной речи будут описаны нами далее.

М. Секо считает, что *lenguaje popular*, в виде *lenguaje popular urbano*, т.е. народного городского языка, вместе с *lenguaje popular rústico*, т.е. народным деревенским языком, и вместе с разными арго объединяются в *lenguaje vulgar*, т.е. просторечие. (Seco 1984: 8) Р. Лапеса в работе “*Historia de la lengua española*” также называет просторечие термином “*habla vulgar*”. (Lapesa 1981: 465)

Некоторые исследователи отказываются от термина *lenguaje vulgar* из-за присущей прилагательному «*vulgar*» отрицательной коннотации, отсылающей к значению «вульгарный, неподобающий». Данная позиция представляется нам неправомерной, если учесть, что первое значение, которые мы находим в словаре Королевской Испанской Академии, определяет прилагательное «*vulgar*» как «имеющий отношение к народу»,

что совершенно логично ввиду этимологии данного слова (от лат. «*vulgus*» – «народ») и имеющейся сложившейся традиции, примером которой можно считать широко используемый термин «вульгарная латынь».

Таким образом, нет единого мнения насчет того, какой из этих терминов следует употреблять для обозначения просторечия. Мы склонны считать наиболее приемлемым для обозначения просторечия термин *lenguaje vulgar*, так как он точнее отражает сущность данного языкового феномена.

§1.6.1 Разговорный стиль, разговорная речь и просторечие

Понятие стиля является центральным понятием стилистики. Это основная категория, отражающая существенные свойства языка в его функциональном аспекте. Понятие стиля характеризует разновидность языка, которая используется в какой-либо социальной ситуации, будь то бытовое, научное или деловое общение. Каждый стиль обладает рядом специфических для него особенностей: фонетических, лексических, грамматических черт, которые отбираются в зависимости от сферы употребления, целей, специфики общения и обстоятельств.

В современных представлениях о функционально-стилевой дифференциации литературного языка выделяют, по крайней мере, пять функциональных стилей: официально-деловой, публицистический, научный, художественный и разговорный, причем каждый из данных стилей подвергается дальнейшей дифференциации, а также допускает проявление авторской индивидуальности. Разговорный стиль, наряду с художественным и публицистическим стилями, наиболее ярко иллюстрирует проявление авторской индивидуальности благодаря своим конститутивным признакам, но, как правило, данный стиль противопоставляется остальным, являющимися книжными.

Следует отметить, что количество стилей для каждого отдельного национального языка варьирует и даже внутри одного языка имеют место разногласия насчет наличия того или иного стиля. К примеру, такова

ситуация с выделением разговорного стиля в системе русского языка, так как некоторые ученые склонны выделять его в качестве отдельного языка, а не функционального стиля или не выделять вовсе.

Также в отечественной традиции не существует единого мнения относительно отношений разговорного стиля и разговорной речи. В Лингвистическом энциклопедическом словаре мы находим определение разговорной речи, описывающее данное явление как разновидность устной литературной речи, обслуживающей повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющей коммуникативную и воздействующую функции. Как форма существования литературного языка она характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью). Русскую разговорную речь одни учёные (Е. А. Земская, Ю. М. Скребнев) считают самостоятельным феноменом, другие рассматривают её в составе литературного языка как его разновидность (О. А. Лаптева, Б. М. Гаспаров) или особый стиль (О. Б. Сиротинина, Г. Г. Инфантова). (Лингвистический энциклопедический словарь¹)

Возможно, такая ситуация вызвана тем, что ярче всего специфика разговорного стиля проявляется в непринужденном общении, а потому она тесно связана с устной формой речи. В результате наиболее используемый термин – разговорная речь. Однако он встречается и в письменном варианте, например в записках, обычной или электронной личной переписке близко общающихся людей, а также в публицистических и художественных текстах, стремящихся точнее передать реальность. Факт функционирования данного стиля в письменном виде снимает указываемое некоторыми исследователями противопоставление по принципу устная форма/ письменная форма, что на наш взгляд является правомерным.

¹URL: <http://tapemark.narod.ru/les/407c.html> дата последнего посещения 13.05.16

Мы будем употреблять термин «разговорная речь» в значении «речь носителей литературного языка при их непосредственном и непринуждённом общении». (Толковый словарь русского языка 1992²)

§1.6.2 Испанская разговорная речь

Испанская разговорная речь привлекает особое внимание ученых с 30х гг. XX века, когда был поставлен вопрос о ее изучении с появлением работы В. Байнхауера “*El español coloquial*”. С тех пор написано большое число научных работ, рассматривающих различные аспекты разговорной речи как на территории Пиренейского полуострова, так и в странах Латинской Америки. Видными исследователями в этой области считаются М. Криадо де Валь, М. Секо, А. Брис и А. М. Вигара, А. Нарбона и др.

Такой интерес к проявлениям разговорной речи в разных испаноязычных странах естественен, так как именно разговорная речь отражает все нововведения и элементы, которые впоследствии могут войти в норму языка, а при достаточной удаленности пиренейского национального варианта и других национальных вариантов друг от друга, представляется логичным, что протекающие в речи процессы могут отличаться.

По мнению Н. М. Фирсовой, хотя испанская разговорная речь на данный момент остается структурно-единой, различия между национальными вариантами существуют и являются весьма существенными. Как одно из таких отличий пиренейского варианта она выделяет тенденцию к демократизации общения и вытекающее из нее изменение регистра с официального на неофициальный, что приводит к большему использованию языковых средств, передающих неофициальную тональность, к интимизации общения и к уменьшению дистанции между говорящими.

Понятие «разговорная речь» в испанском языке обозначается термином «*lenguaje coloquial*» или «*habla coloquial*». Королевская Академия испанского

²URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt дата последнего посещения 13.05.16

языка указывает, что «*lenguaje coloquial*» – спонтанная речь в ситуациях доверительного или фамильярного общения собеседников. (DPD³)

По словам М. Секо, когда мы говорим «*lenguaje coloquial*», мы обращаемся к определенному регистру, к определенной форме употребления языка, речи, характеризующейся изменчивостью и непостоянством.

Конститутивными специфическими стилевыми особенностями разговорного стиля речи многие исследователи, например, Н. М. Фирсова, В. В. Виноградов., О. А. Лаптева, М. Н. Кожина и др. признают непринужденный и даже фамильярный характер речи, спонтанность, линейный характер, подразумевающий невозможность отменить уже сказанное, стремление к экономии и избыточности речевых средств, эллиптичность, преимущественно диалогический характер общения (хотя не исключен и монологический, что влияет на выбор языковых средств), а также эмоциональность и экспрессивность. В качестве неспецифичных типичных черт можно указать идиоматичность, известную стандартизованность и личностный характер речи. Данные черты и особенности присущи в той или иной степени разговорному стилю и речи любого языка.

Для общеиспанской разговорной речи характерны такие особенности, как экспрессивность и эмоциональность, эллиптичность и стандартизованность, причем реализация тех или иных языковых единиц напрямую зависит от коммуникативной ситуации, тональности общения и уровня культуры собеседников, т.е. экстралингвистических факторов. Также для ее реализации важны паралингвистические средства, например интонация, жесты, мимика.

Лингвистические черты разговорной речи проявляются на всех уровнях языка. На уровне морфологии для испанской разговорной речи характерно использование различных эмоционально-оценочных суффиксов, причем

³URL: <http://www.rae.es/diccionario-panhispanico-de-dudas/que-es#2> дата последнего посещения 13.05.16

часто суффиксы могут приобретать новое значение и, к примеру, помимо уменьшительного или увеличительного компонента, выражать насмешку, презрение: суф. *-ón* – *robretón* (*бедняга, простак, глупец*), или ласково-сниходительное отношения к человеку: *-ito* – *tontito* (*глупыш, глупенький*). (Попов 2015)

На уровне синтаксиса можно отметить, во-первых, что простые предложения доминируют над сложными, во-вторых, что значительную часть корпуса составляют готовые синтаксические формулы, используемые в таких типичных коммуникативных ситуациях, как обращение, приветствие, прощание, знакомство и т.д. Таким образом, речь достаточно стандартизирована. Стандартизованность способствует эллиптичности синтаксических структур. Это одна из наиболее ярких специфических черт синтаксиса испанской разговорно-обиходной речи. Неполнота обуславливается также и диалогичностью, непосредственностью контакта участников, а также обстановкой. Среди молодежи особенно заметно использование различных сокращений, неполных вариантов.

Частотное употребление неполных (эллиптических) предложений обусловлено стремлением языка к экономии средств и наблюдается в речевых формулах повседневного общения при согласии, отказе и ответных репликах. (Фирсова (2) 2002: 7)

На лексическом уровне разговорную речь отличают экспрессивно-окрашенные слова, а также большое количество жаргонной и просторечной лексики, сленга, что делает отношения разговорной речи и просторечия довольно сложными.

С одной стороны, данные явления противопоставлены по признаку литературность/нелитературность, однако элементы нелитературности постоянно проникают в разговорную речь и, более того, считаются одним из характеризующих ее признаков.

По нашему мнению, существенная проблема при изучении просторечия состоит в разграничении характеристик собственно просторечия от

характеристик, присущих разговорной речи. Для этого представляется логичным и даже необходимым найти «точку отсчета» – грамматику, отражающую грамматическую норму современного испанского языка в наиболее полном объеме и позволяющую соотнести найденные примеры с разговорной речью или просторечием. Явления, которые не совсем соотносятся с нормой, но рассматриваются как допустимые, следует считать феноменами разговорной речи, а те, что являются нелитературными и не принимаются, в какой-то мере можно отнести к просторечию. Мы говорим «в какой-то мере», так как, на наш взгляд, недостаточно просто признать явление нелитературным, чтобы с твердой уверенностью заявить, что это просторечие. Анализируемое явление должно широко и часто встречаться в речи большей части населения, иначе мы рискуем посчитать просторечием индивидуальные ошибки говорящего, в основе которых лежат другие, индивидуальные факторы.

Для данных целей мы будем пользоваться трудом “*La Nueva Gramática de la lengua española. Manual*” Королевской Академии Испанского языка 2010 года издания, а также словарем общеиспанских трудностей “*Diccionario panhispánico de dudas*” (DPD).

§1.6.3 Просторечие, жаргон и сленг

Просторечие находится в определенных системных отношениях с разговорной речью и явлениями, имеющими непосредственное к ней отношение: жаргоном, арго и сленгом, при этом между данными языковыми феноменами наблюдаются как сходства, так и различия, позволяющие провести между ними границу и разделять их в русской научной традиции.

По мнению исследователей, арго – это закрытая лексическая подсистема специальных номинаций, обслуживающих узкие социально-групповые интересы, чаще всего профессиональные (Химик (1) 2000:12). Лингвистический энциклопедический словарь указывает также, что главная функция арго, как правило, заключена в сокрытии предмета коммуникации, а также в обособле-

нии группы от остальной части общества. Термин «арго» чаще употребляется в узком смысле, как обозначение способа общения деклассированных элементов, распространённый в среде преступного мира (воровское арго). Арго не имеет своей грамматики и функционирует согласно общим законам разговорной речи. (Лингвистический энциклопедический словарь⁴)

Жаргон же представляет собой значительно более широкое понятие, полуоткрытую лексико-фразеологическую подсистему, применяемую той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества, к примеру, по профессиональному признаку, положению в обществе, интересам. (Химик (1) 2000: 13)

От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств, причем часть жаргонной лексики принадлежит многим, а не одной социальной группе и при переходе в другие виды жаргона меняет свое значение («темнить» в арго — ‘скрывать добычу’, а в современном молодёжном жаргоне — ‘уваливать от ответа’). Также лексика жаргона заимствуется из других языков или создаётся путём переоформления («баскет» ‘баскетбол’), а чаще — переосмысления общеупотребительных слов («рвануть» ‘пойти’). Лексика жаргона проникает в литературный язык через просторечие и язык художественной литературы, где она используется как средство речевой характеристики. (Лингвистический энциклопедический словарь⁵)

В испанской лингвистической традиции чаще всего понятие жаргона (*jerga*) и арго (*argot*) не разделяются и употребляются как синонимы. Словарь Королевской Испанской Академии дает два значения слова *jerga*. В первом значении – это особая неформальная разновидность речи, используемая представителями некоторых профессий и родов деятельности, т.е. то, что в русской традиции также называется жаргоном. А во втором – это

⁴URL: <http://tapemark.narod.ru/les/043c.html> дата последнего посещения 13.05.16

⁵URL: <http://tapemark.narod.ru/les/151a.html> дата последнего посещения 13.05.16

особенная разновидность речи, используемая определенными группами с целью скрыть смысл от «чужих», что соответствует определению аргоса в русской традиции. (DLE⁶). М. Секо, наоборот, разделяет понятие жаргона и аргоса, считая аргос языкoм маргинальных слоев общества. (Seco 1984: 8)

Таким образом, мы видим, что единого мнения нет, и один термин может обозначать оба явления без их разделения, а может использоваться только для обозначения одного явления, что позволяет нам еще раз убедиться в своеобразии данных феноменов в каждом отдельном языке.

В испанском языке жаргон обладает рядом особенностей. Во-первых, это адаптация и изменение семантики уже существующих общеупотребительных слов, например слово «*botón*», которое в обычном употреблении обозначает пуговицу, в жаргоне приобретает значение «*полицейский*» или «*информатор*». Также в каждой социальной группе значение общеупотребительного слова может варьировать. Во-вторых, это наличие собственных слов, которые известны и используются только представителями данной социальной группы. В-третьих, это уже упомянутое стремление скрыть истинный смысл слова и высказывания. Другими чертами, характерными для жаргона, можно назвать динамизм, обуславливающий возникновение новых лексических единиц с новым значением, благодаря которому лексический фонд постоянно пополняется, а также слова-паразиты, неологизмы, апокопы и заимствования.

Рассмотрев главные особенности жаргона и аргоса, можно назвать черты, отличающие их от просторечия. Итак, исходя из определения, мы видим, что жаргонные единицы обслуживают определенную социальную группу, тогда как просторечие функционирует в более широком виде, оно вбирает в себя элементы жаргона и аргоса. Также следует отметить, что жаргон и аргос – это в большинстве своем лексико-фразеологические образования, а для просторечия характерны особенности, представленные на всех уровнях языка, о чем уже говорилось ранее. Несмотря на это, на практике между ними

⁶URL:<http://dle.rae.es/?w=jerga> дата последнего посещения 13.05.16

провести четкую границу представляется сложной задачей, т.к. единицы имеют свойство переходить из жаргона в просторечие и уже из просторечия – в разговорно-обиходную речь, ставя просторечие в положение посредника и проводника.

Еще сложнее обстоит ситуация с таким явлением, как сленг, так как сленг по определению – это практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый регистр, который служит для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски, чаще негативной. Сленг – это надсоциальный общий жаргон, он не имеет отчетливой социально-групповой ориентации: его используют представители разных профессий, разного социального и образовательного статуса и даже возраста.

Сленговые единицы являются знаками специфического речевого самовыражения, экспрессивной самореализации и лишь отчасти знаками социальной принадлежности. Резкой границы между жаргонами и сленгом также не наблюдается, так как сленг берет свой речевой материал прежде всего из социально-групповых и социально-профессиональных жаргонов и тоже характеризуется некоторой социальной ограниченностью, но не определенной групповой, а переходной: это язык скорее низов и молодежи, чем верхов и пожилых. (Химик (1) 2000: 14-15)

Сленговые единицы появляются очень быстро и так же быстро исчезают, если не переходят в разговорную речь. Широкое употребление сленга огрубляет речь и противоречит нормам, культуре речи. Проведение границы между сленгом и просторечием является сложной задачей для лексикологии и лексикографии, так как сленг отличается только тем, что возник в отдельных социальных группах, но часто очень широких (молодёжь). Некоторые исследователи, ориентируясь на традиции английской лингвистики, отождествляют сленг с просторечием, а другие (И. Р.

Гальперин), ссылаясь на неопределённость данной категории, вообще отрицают её существование. (Лингвистический энциклопедический словарь⁷⁾)

В испанском языке нет отдельного термина для сленга как языкового явления. Обычно его называют *jerga*, т.е. тем же термином, что и жаргон, что по сути не противоречит вышеприведенным соображениям по поводу данного явления, а сам термин «сленг» относится к данному феномену в английском языке. Если в большей степени фокусировать внимание на критерии возраста, то в испанской традиции существует обозначение *lenguaje juvenil* или *jerga juvenil*, описывающее язык молодых людей как особой социальной группы. Данным явлением занимались многие лингвисты, например Ф. Р. Гонсалес, М. Касадо Веларде и др., и не все ученые сходятся во мнении насчет того, как его трактовать.

Мы не будем приводить здесь особенности данного языкового феномена, так как это не является темой нашего исследования, однако скажем, что его связь с просторечием присутствует и так же неоднозначна, как и в системе русского языка. Молодежный жаргон часто может заимствовать лексемы из других жаргонов для обогащения своего лексикона, и так как некоторые из этих лексем все же переходят в состав литературной разговорной речи, то можно предположить, что данный процесс происходит через просторечие.

Итак, мы рассмотрели теоретические аспекты просторечия как явления в русском и испанском языках, принятые для обозначения просторечия термины, а также отношения данного явления с литературной нормой, разговорной речью и другими нелитературными языковыми феноменами. Сделанный нами анализ позволяет утверждать, что проблемы, связанные с просторечием в системе испанского языка, нуждаются в тщательной разработке, так как, по сравнению с русским языком, некоторые теоретические и практические аспекты до настоящего момента не были освещены в достаточной степени. Скорее всего, причина того, что просторечие в русском языке более изучено, кроется в современной языковой

⁷URL: <http://tapemark.narod.ru/les/461a.html> дата последнего посещения 13.05.16

ситуации в России. Русский язык, несмотря на огромную протяженность страны, един и не так сильно подвержен диалектальной дифференциации, в то время как в Испании языковая ситуация отличается пестротой, не говоря уже о множестве национальных вариантов и диалектов в странах Латинской Америки.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ

В данной главе мы рассмотрим, какие явления, характерные для просторечия, встречаются в области морфологии. Найденные нами примеры, за редким исключением, взяты из банка данных Королевской Академии испанского языка CREA, а также из произведений таких испанских авторов, как М. Делибес и К. Арничес. Все примеры, цитируемые из корпуса CREA, были зарегистрированы на территории Испании, и сопровождаются нашим переводом. Глава разделена на параграфы согласно частям речи для более удобной классификации встречаемых грамматических явлений. Необходимо отметить, что данная работа не претендует на описание всех явлений, относящихся к просторечию, так как это не представляется возможным из-за территориальной протяженности Испании и большого количества диалектов в испанском языке. Мы рассматриваем самые частотные явления, встречающиеся повсеместно или в большей части Испании, поскольку критерий распространенности позволяет провести границу между просторечием и диалектами.

§ 2.1 Предмет грамматической стилистики

Изучение просторечия как грамматического явления представляет интерес для довольно молодой науки – грамматической стилистики. Основная задача данной ветви лингвостилистики заключается в изучении стилистических возможностей единиц грамматического уровня, причем под стилистическими возможностями здесь имеются в виду как экспрессивные, так и функциональные возможности грамматических категорий во всем их многообразии.

Грамматическая стилистика подразделяется на морфологическую и синтаксическую, однако, если стилистические возможности синтаксиса всегда принимались во внимание, относительно стилистической значимости морфологии однозначного мнения нет. По мнению Н. М. Фирсовой, одного из самых крупных специалистов в данной области в отечественной науке, так

как объектом стилистики является язык в процессе его употребления, стилистическому анализу должны подвергаться все языковые уровни, в том числе и морфологический. (Фирсова (1) 2002: 17-19)

Морфологическая стилистика изучает подсистемы словообразовательных средств и категориальных грамматических форм. Значение грамматической формы не является чем-то однородным, так как форма может иметь 2 элемента значения: денотативное (объективное, собственное грамматическое значение формы) и коннотативное (осложненность грамматической формы любым видом стилистической информации). Коннотативное значение единицы морфологического уровня способно вызывать в сознании человека вторичные ассоциации эмоционального или логического характера. (Там же. С. 21-22)

Морфологическая единица обладает стилистическим значением и стилистической значимостью. Однако если стилистическое значение единицы постоянно, то значимость является переменной величиной, так как рождается в контексте. Стилистическое значение включает в себя разнообразные виды окрасок, основными из которых являются экспрессивно-эмоциональная, оценочная, функционально-стилевая и нормативная.

Нормативная окраска при изучении просторечия является первостепенной, поскольку она указывает на отношение языковой формы к литературной норме и на ее местонахождение над или под нейтральным уровнем. Экспрессивно-эмоциональная и оценочная окраски отражают отношение говорящего к понятию или предмету речи. Функционально-стилевая окраска определяет соотнесенность данной единицы с определенным функциональным стилем (его разновидностью). Следует подчеркнуть, что каждая из перечисленных коннотаций допускает внутреннюю дифференциацию и способна комбинироваться с другими, поэтому для изучения стилистических характеристик единицы их необходимо рассматривать вместе.

Стилистическим значением в испанском языке могут обладать словообразовательные средства, например многие суффиксы субъективной оценки, чего нельзя сказать о большинстве грамматических форм. Грамматические формы кроме нормативной могут иметь лишь функционально-стилевую окраску, а круг грамматических форм, имеющих стилистическое значение, ограничен такими временными формами, как *Futuro Simple* и *Futuro Compuesto de Subj.*, которые четко закреплены за функционально-стилевой разновидностью официально-делового стиля.

Количество морфологических единиц, имеющих стилистическое значение, крайне мало. Их стилистические потенции раскрываются лучше всего при функционировании в речи, при этом часто в речи появляются дополнительные стилистические смыслы, поэтому стилистическая значимость обладает большим количеством коннотативных элементов, чем стилистическое значение.

Грамматическая единица способна вызывать представление о социальной принадлежности говорящего. Это проявление социальной или характерологической функции, особенно значимой для испанского языка в силу существующих в обществе социальных различий. Также можно выделить композиционную функцию, основанную на возникающем контрасте между стандартной схемой развития текста и тем местом, которое в тексте занимает та или иная языковая форма. Отклонение от стандартной схемы ощущается благодаря особому распределению грамматических или иных форм. Данная функция, прежде всего, характерна для местоимения и временных форм глагола.

Оценочные и эмоциональные окраски у грамматических единиц представлены не так широко, как у лексических, тем не менее, некоторые грамматические формы способны передавать окраску. К примеру, в просторечии и разговорной речи грамматический род может участвовать в образовании оценочной окраски, когда к лицу мужского пола применяются формы женского рода.

В целом можно отметить, что грамматические формы активно участвуют в передаче различных коннотаций, которые достаточно часто имеют выражение в материально-языковом плане за счет аффиксации, форм рода и числа. (Там же. С. 24-30)

Принимая во внимание вышеуказанные положения, далее мы можем перейти непосредственно к рассмотрению морфологических особенностей просторечия.

§2.2 Просторечие в сфере имени существительного.

§2.2.1 Артикль и притяжательные местоимения с именами собственными

Одной из характерных черт просторечия, порицаемого Королевской Академией испанского языка, является употребление артикля перед именами собственными в тех случаях, когда это не обусловлено определенными факторами.

Артикль обязателен при имени собственном во множественном числе, которое таким образом представляет множество людей, носящих данное имя: «*Los Curros no tienen problemas y los Pacos sí*». (CREA. Prensa. La Vanguardia. 30/07/1995: Marta Forn)

Также артикль появляется, когда у имени собственного есть зависимое определение или качественное прилагательное, стоящее в препозиции. Кроме того, с артиклем употребляются имена и фамилии известных женщин (*La Caballé, la Pompadour* и др.), королевские династии (*Los Romanov*) и фамилии семей (*los López*).

Согласно грамматической норме, в других случаях артикль не должен сопровождать имя собственное, однако такой узус очень широко распространен в просторечии, а также в разговорной речи Пиренейского полуострова. (RAE 2010: 220, § 12.5.2a)

Наличие артикля обычно вносит дополнительную информацию стилистико-экспрессивного либо функционально-стилистического характера. В художественной литературе авторы часто прибегают к использованию

артикля с именами собственными для создания речевой характеристики персонажей и передачи социально-местного колорита, что мы можем наблюдать в произведении М. Делибеса “*Las ratas*”, действие которого происходит в деревне:

“*La Sabina se revolvió furiosa al ver el cuervo*” «Сабина повернулась в ярости, увидев ворона». “*El Baltasar llevaba una cruz en el pecho y la Rabina miraba hacia ella como implorando<...>*” «Бальтазар носил на груди крестик, и жена раввина смотрела на него, будто умоляя <...>» (Delibes 1962)

Определенный артикль также довольно часто появляется перед прозвищами. Как правило, прозвища обозначают физические, моральные и другие качества и особенности человека и, в большинстве случаев, образно передают отрицательную оценочную коннотацию. (Фирсова 2002: 103-104)

“*En la taberna corrió el vino aquella noche. Los hombres exultaban y hasta Mamés, el Mudo, se obstinaba en comunicar su euforia*” «В таверне в ту ночь вино лилось рекой. Мужчины ликовали, и даже Мамес, Немой, упорно выражал свою эйфорию» (Delibes 1962)

С именами собственными рекомендуется избегать употребления притяжательных местоимений, характерного для испанского языка в Средние века, но сегодня считающегося просторечным:

“<...>*yo sentía por él lo mismo que por mi Julio, lo mismo*” «<...> я чувствовала к нему то же самое, что и к моему Хулио, то же самое» (CREA. Quiñones. “Las mil noches de Hortensia Romero”. 1979: 57)

“*Es que vuelve mi Ana. Figúrate, después de tantos años...*” «Дело в том, что возвращается моя Ана. Представь себе, через столько лет...» (CREA. Pedrero. “Besos de lobo”. 1987)

§2.2 Изменение категории рода

В просторечии у некоторых существительных наблюдается изменение рода, а также, как следствие, изменение согласования зависимых от таких существительных единиц.

Частым отклонением от нормы считается изменение рода у группы существительных, начинающихся на ударный “а”: “*agua*”, “*alma*”, “*arca*”, “*águila*”, “*hacha*” и др. Данные существительные относятся к женскому роду и употребляются с артиклем “*el*”, совпадающим по форме с артиклем мужского рода, однако этимологически восходящим к артиклю женского рода *illa* > *ela*. Артикль “*ela*” терял начальный “*e*”, если слово начиналось на согласный, и апокопировался, если слово начиналось на гласный любого характера независимо от ударения. Таким образом, в языке Золотого века еще встречается *ela espada* > *el(a) espada* > *el espada*, *ela arena* > *el arena*, не дошедшее до нашего времени, и нормативное сегодня *ela agua* > *el(a) agua* > *el agua* для существительных, начинающихся с ударного “а”. (DPD⁸)

Так как артикль “*el*” ассоциируется в сознании с мужским родом, появляются изменения при согласовании таких существительных с прилагательными и указательными местоимениями, в результате чего вместо нормативного “*esta agua*”, “*esa hacha*”, “*aquella águila*” наблюдается “*este agua*”, “*ese hacha*”, “*aquel águila*”. Согласование по мужскому роду также наблюдается с прилагательными “*mucho*”, “*poco*” и неопределенными местоимениями “*todo*”, “*otro*”:

“*Antes de que se evapore todo el agua (5 minutos antes del final) añade los guisantes y las habas*” «Прежде чем испарится вся вода (за 5 минут до конца) добавьте зеленый горошек и бобы». (CREA. Arguiñano. “1069 recetas”.1996)

“*Este retorno me demuestra que hay un refrán muy cierto: "No digas nunca de este agua no beberé"* «Такой поворот доказывает, что есть очень точная поговорка: «Не плюй в колодец: пригодится воды напиться». (CREA, prensa, Tiempo, 19/11/1990 : Fernando G. Delgado. Nuevo director de diario Nacional)

“*La salinidad de este agua es muy elevada y existe el temor de que dañe gravemente la fertilidad de las tierras*” «Соленость этой воды очень высока и

⁸URL: <http://lema.rae.es/dpd/srv/search?id=8Tu5qHMtQD63wEn6zW#22> дата последнего посещения 13.05.16

есть опасения, что это серьезно скажется на плодородии почвы» (CREA, prensa, El País, 02/04/1984 : La falta de agua, principal inquietud de Collado)

“Pasa mucho hambre, aunque quizá menos que en la época de miseria en Campos de Criptana” «Он очень голодает, хотя, наверное, не так сильно, как в годы нищеты в Кампос-де-Криптана» (CREA. Oral. “Sara y punto”. 23/09/90, TVE 2)

У некоторых существительных на протяжении всей истории языка наблюдаются расхождения в употреблении по мужскому и женскому роду. К таким существительным относятся “*el/la color*” «цвет», “*el/la calor*” «жара» “*el/la mar*” «море». Нестабильность родовой принадлежности обусловлена изменениями, произошедшими в системе латинских склонений, и последующим перераспределением существительных между склонениями. Так как в испанском языке только два рода, а в латинском языке – три, то существительные среднего рода распределились между мужским и женским родом согласно их форме. Существительные ср. рода на “-um”, принадлежащие ко второму склонению, перешли в мужской род, в то время как существительные среднего рода с формой множественного числа на “-a” и передававшие собирательное значение получили оформление по женскому роду.

Существительные среднего рода, оканчивавшиеся на “-n”, “-r” и “-e” могли перейти как в мужской, так и в женский род, так как данные окончания не позволяют однозначно соотнести их ни с одним, ни с другим родом. Так, во времена Сервантеса считалось литературным употребление существительного “*mar*” (от лат. *māre, -is, n* > *mar, m/f*) по женскому роду, а в современном стандартном испанском языке является существительным мужского рода. Однако в языке людей, чья профессиональная деятельность связана с морем, а также в поэзии и некоторых странах Латинской Америки данное существительное продолжает встречаться в женском роде. (Litvinenko 1991: 107)

В просторечии и в разговорных выражениях интенсификации “*la mar de encanto*”, “*la mar de tonto*” и др. также наблюдается употребление по женскому роду:

“*¡Gracias a Dios que la mar sigue donde está y los árboles y el cielo siempre son los mismos!*” «Слава Богу, что море все еще там, где оно всегда было, и деревья и небо все те же!» (CREA.Vázquez. “La vida perra de Juanita Narboni”. 1976)

Существительные “*color*” «цвет» и “*calor*” «жара» согласно принятой языковой норме также лучше употреблять по мужскому роду, так как мужской род этимологически обусловлен: ср. лат. *color*, -*oris*, *m.* и *calor*, -*oris*, *m.* (RAE 2010:30, § 2.3.1a) Однако в средневековом и классическом испанском языке нормативным считалось употребление по женскому роду, и сегодня оно также встречается, чему мы находим примеры в корпусе:

“*Que abril se nos había puesto de golpe, con la calor adelantada, lleno de acacias blancas y pobres en las plazoletas de tu ciudad*” «Какой апрель у нас вдруг настал, с ранней жарой, полный белых акаций и бедных на площадях твоего города» (CREA. Prensa. El Mundo. 13/04/1995: Antonio Burgos: Alfonso Grosso, sobre la Buena Muerte)

“*Y la calor en todo lo suyo; ni la hora de la fresca se ha notado ni se está notando...*” «А жара в своем репертуаре, ни на час не посвежело, и не заметно, что свежеет». (CREA.Quiñones.“Las mil noches de Hortensia Romero”. 1979)

“*Si no fuera radicalmente imposible que la palidez misma pudiese palidecer, sería lícito afirmar que la color huyó del rostro del antiguo policía*” «Если бы не было категорически невозможно, что сама бледность может побледнеть, можно было бы сказать, что с лица бывшего полицейского совсем потеряло цвет». (CREA. Luca de Tena. “Los renglones torcidos de Dios”. 1979)

Итак, мы видим, что категория грамматического рода может обладать определенными возможностями для стилистического употребления. Родовая оппозиция зачастую служит для определенных художественных целей,

например для передачи речевой характеристики персонажей из народа или для придания повествованию определенного диалектального колорита. (Фирсова (1) 2002: 77)

§ 2.3 Изменение категории числа

Образование множественного числа подчиняется определенным правилам в зависимости от типа окончания существительного. Типичное окончание “-s” изначально стало показателем множественного числа в испанском языке, и правила его добавления к основе практически не изменились: если слово оканчивается на безударный гласный, к основе прибавляется окончание “-s”, если на согласный – окончание “-es”.

Однако наблюдаются колебания при добавлении окончания к словам с дифтонгом с конечной “-i”: в классическом испанском прибавлялось окончание “-s” (*reys*), тогда как в современном языке прибавляется “-es” (*reyes*). На протяжении всего развития языка наблюдались колебания в многосложных словах, оканчивающихся на гласную: “*alhelís/ alhelies, rubís/rubies, cafés/ cafees, sofás/sofaes*. Формы множественного числа на “-es” считались более престижными в классическом испанском.

Для односложных слов было характерно образование множественного числа с помощью окончания “-es”: *pié – piees (совр. pies), fe – fees (совр. fes)*. (Litvinenko 1991:109)

В современном просторечии наблюдаются такие формы, как *pieses* (норм. *pies*) , *cafeses* (норм. *cafés*) , *tamases* (норм. *tamás*) , *papases* (норм. *papás*) , *sacahueses* (норм. *cacahuates* и *cacauetes*), употребления которых Королевская Академия рекомендует избегать. (RAE 2010: 36, §3.1.2a)

“<...> *en Brihuega me tomé: dos dos cafeses con leche*” « <...> в Бриуеге я заказал: два кофе с молоком» (CREA. Oral. Radio, Madrid, 21/12/91)

“<...> *los frutos secos habían de crujir entre los dientes con toda la aceitosa suculencia de los cacahueses en bolsitas*” «<...> сухофрукты, наверное,

хрустели со всей маслянистой сочностью арахиса в кулечке» (CREA. Pombo. “El metro de platino iridiado”.1990)

Некоторые топонимы в форме множественного числа приобретает просторечный оттенок: “*Madriles*”, “*los Nueva Yores*” и “*los San Juanes*”. (Фирсова (1) 2002: 95)

“El mexicano Juan Salvador, que también se presentaba en la Monumental, se estrenó en los Madriles con un utrero noble” «Мексиканец Хуан Сальвадор, который также выступал на арене Монументаль, впервые выступил в Мадриде с породистым молодым быком». (CREA.Prensa. Época, ABC Electrónico, 22/09/1997: La Fiesta Nacional)

Появление данных форм множественного числа может быть связано с желанием говорящего усилить эффект своих слов, и таким образом, ненормативное окончание “-es” выступает в роли интенсификатора.

§2.3 Просторечие в системе местоимения

§2.3.1 Леизм, лаизм и лоизм

Неэтимологическое употребление личных местоимений 3го лица в несвойственной им функции считается одной из характерных черт просторечия в испанском языке. К нему относятся явления лаизма “*laísmo*”, лоизма “*loísmo*” и леизма “*leísmo*” (в некоторых формах).

Под термином “*laísmo*” понимается употребление неударного местоимения 3го лица “*la/las*”, обычно выполняющего функцию прямого дополнения, в качестве косвенного дополнения “*la dije a mi hermana*”. Такое смешение форм, как и явление лоизма, т.е. употребление местоимений “*lo/los*” в функции косвенного дополнения (“*lo di una bofetada*”), встречается редко, особенно по сравнению с явлением леизма, однако вызвано теми же историческими причинами, которые повлияли на всю парадигму неударных местоимений 3го лица.

Личные местоимения 3го лица в испанском языке произошли от латинских указательных местоимений в форме датива и аккузатива. Заметим,

что падежи как таковые в испанском языке не сохранилась, поэтому мы используем их названия условно.

Рис. 1

	Sing.		Plur.	
Dat.	illi (m,f,n) >	le (m, f)	illis (m,f,n) >	les (m,f)
Acc.	illum (m) >	lo (m)	illos (m) >	los (m)
	illam (f) >	la (f)	Illas (f) >	las (f)
	illud (n) >	lo (n)		–

Процесс их смешения начался из-за совпадения фонетических форм, развившихся в поздней латыни. Утраченное противопоставление между формами мужского (лат. *illum* > *lo*) и среднего рода (лат. *illud* > *lo*) привело к употреблению местоимения косвенного дополнения “*le*” в качестве прямого дополнения для изоляции среднего рода в данной позиции. Этот языковой феномен был назван леизмом. Исследователи отмечают, что местоимение “*le*” никогда не заменяет так называемое “*lo neutro*”, что также говорит о стремлении обособить средний род. Родовая оппозиция для испанского языка оказалась важнее, чем оппозиция падежей, о чем говорят примеры уже из «Песни о Сиде». Такой же важной оппозицией стала оппозиция по признаку одушевленность/неодушевленность.

Начало процессу положил переход “*le*” (Dat.) в сферу “*lo*” (Acc., муж. род, одуш.). В первой половине XVI в. “*le*” (Acc., муж. род, одуш.) доминирует у авторов из Старой Кастилии и Леона, а после – у писателей из Алкалы и Мадрида (Сервантес, Лопе де Вега, Кеведо, Тирсо де Молина, Кальдерон и др.)

На данный момент Королевская Академия Испанского языка различает 3 вида леизма. К первому виду относится использование местоимения “*le*” в функции аккузатива для обозначения лица мужского рода ед. числа (“*A Mario le vieron en el parque*” «*Марио видели в парке*»). Такой вид леизма принимается Академией и даже пропагандировался ею в 4-м издании «Грамматики» в 1796 году, и потому не считается просторечным.

Вторым видом является употребление данного местоимения для обозначения лица женского рода ед. числа (*“A Laura le vieron en el parque”* «Лауру видели в парке»). Частотность такого употребления невелика, и Академия его не принимает, так же как и не принимает третий вид леизма, когда местоимение “le” относится к неодушевленному предмету, грамматически оформленному мужским родом (*“El libro ya le he leído”* «Книгу я уже прочитал»). Такой леизм получил название *“leísmo extremado”* или «крайний леизм».

Как подтип первых двух видов также выделяется «вежливый» леизм или *“leísmo de cortesía”*, то есть употребление местоимения 3го лица ед. числа “le” по отношению к уважительной форме Usted, однако данный феномен можно считать проявлением уважения, только если в речи говорящего не наблюдается леизм других указанных выше типов. (RAE 2010:315-316, §16.5.1)

Первоначальное смешение “le”/“lo” повлекло за собой притупление языкового чутья в разграничении функций личных местоимений 3го лица и вызвало неэтимологическое употребление других форм: “les” для прямого дополнения муж. рода, “lo, los” для косвенного дополнения муж. рода, “la, las” для косвенного дополнения жен. рода. Интересно, что в некоторых областях Испании, например в Арагоне и Андалусии, сохраняется этимологический узус. Данное смешение местоимений не наблюдается также на Канарских островах и в Латинской Америке, а редкие случаи такого употребления объясняются сложностями при изучении испанского языка, с которыми сталкиваются носители языков кечуа и аймара.

Таким образом, явление лаизма и лоизма распространено только на территории Испании. Академия также выделяет несколько типов лаизма: по отношению к человеку *“la pido la mano”* и по отношению к неодушевленному предмету жен. рода *“laísmo de cosa”* *“no te puedes poner esta camiseta porque tengo que pegarla un par de botones”* «ты не можешь надеть эту рубашку, потому что мне нужно пришить на нее пару пуговиц». Это явление было

зафиксировано в Кастилии в XIV в. и на протяжении следующих двух веков встречалось достаточно часто даже в произведениях классиков (Кеведо, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерон и др.). Согласно мнению Академии, сегодня такого узуса стоит избегать, причем это относится к употреблению местоимения “*la*” как к одушевленному, так и неодушевленному косвенному дополнению. (op.cit, pp. 318, §16.5.2)

По нашему мнению, явление лаизма довольно распространено, так как оно встречается как в записях устных текстов, взятых нами из корпуса CREA, так и отображается в испанской литературе. Рассмотрим несколько примеров. “*Vamos yo la dije que que éramos pocos porque en su coche cuatro cuatro podemos ir en coche, cinco no*” «*Ну и я сказал ей, что нас мало, потому что в ее машине могут поехать четверо, четверо поместятся, пятеро – нет*». (CREA. Tren Segovia-Madrid. Conversación entre amigos, 17/02/91)

“*SISINIO. Pues que se le perdió la niña en el Retiro, y va un guardia y se la encuentra llorando, y la dice <...>*” «*Ну, потерялась у нее дочка в Ретиро, и подходит полицейский и видит, что та плачет, и говорит ей <...>*» (Arniches 1926)

“*Se estaba siempre quejando de que me paso el día y parte de la noche trabajando y no le hago caso, no la saco, y cuando estoy en casa, dice que soy un tuerto y que no la hablo*”. «*Она постоянно жаловалась, что я работаю весь день и часть ночи и не обращаю на нее внимание, никуда с ней не хожу, и когда я дома, она говорит, что я зануда и что я с ней не говорю (букв. её).*» (CREA.Rico Godoy, 1990:76)

“*En cuanto la guipé, la eché una sonrisa, y parece que lo hizo el demonio.*” «*Как только я ее увидел, я ей улыбнулся, и кажется, что это сделал дьявол*». (CREA. Díaz-Cañabate. 1970:53)

Как можно заметить, местоимение “*la*” в представленных примерах употребляется с глаголами, требующими косвенного дополнения (чаще всего это глагол “*decir*”), однако носители выбирают форму, характерную для

прямого дополнения, так как им важно подчеркнуть принадлежность к женскому роду того существительного, которое замещает местоимение.

Явление лоизма, как уже отмечалось выше, встречается редко, по большей части в некоторых областях Кастилии (Испания), и не принимается Академией, которая настоятельно рекомендует избегать его на всех уровнях языка. Это явление, заключающееся, как уже говорилось ранее, в использовании местоимений 3го лица ед. и мн. числа “*lo*”, “*los*” для обозначения косвенного дополнения, тогда как изначально они обслуживают прямое дополнение, что мы можем наблюдать в следующем примере: “*¿Y por qué? ¿Es que no lo gusta a usted la primavera?*” «*И почему? Вам не нравится весна?*». (CREA. Prensa. ABC, 19/04/1986) (op.cit, p. 319)

Смешение форм и появление леизма, лаизма и лоизма, вызвано несколькими причинами, связанными с существующими в испанском языке тенденциями. Первой причиной можно считать образование класса одушевленных предметов, что связано с тенденцией к изоляции среднего рода. В качестве второй причины можно указать тенденцию к созданию такой парадигмы, где прямому и косвенному дополнению будет соответствовать одна форма местоимения. Это может быть вызвано влиянием личных неударных местоимений 1го и 2го лица множественного числа, которые имеют одну форму как в функции прямого, так и косвенного дополнения: ср. “*nos ve*” (CD), “*nos da*” (CI), “*os veo*” (CD), “*os doy*” (CI).

Кроме того, сходная унификация прослеживается в системе указательных местоимений, так как здесь каждому роду также соответствует только одно окончание: “*este, ese*” (m), “*esta, esa, aquella*” (f), “*esto, eso, aquello*” (n).

Итак, можно сказать, что рассмотренные явления леизма, лаизма и лоизма имеют довольно долгую традицию, так как прослеживаются в истории испанского языка на протяжении многих веков, и являются отражением существующих языковых тенденций.

2.3.2 Вторичная морфологизация местоимения “*cual*”

В просторечии наблюдается вторичная морфологизация местоимения “*cual*”, выполняющего функцию относительного, вопросительного и восклицательного местоимения в предложении.

Данное местоимение, согласно грамматической норме, не может употребляться самостоятельно, т. е. без определенного артикля, когда выполняет функцию относительного местоимения. В предложении оно функционирует только в виде “*el cual/ los cuales*”, “*la cual/ las cuales*” и “*lo cual*”, причем местоимение остается неизменным независимо от рода и способно изменяться только по числу. (RAE 2010: 415, § 22.3.3a)

Однако именно такой процесс наблюдается в просторечии, где появляются формы “*cualo/ lo cualo*” и “*cuala/ la cuala*”, отражающие родовую принадлежность с помощью добавления окончаний.

“<...>*lo que estamos contemplando en los países del este de Europa y, sobre todo, los países que formaron la antigua Unión Soviética, es el caos. Y todavía no sabemos cuala van a ser las consecuencias del caos*” «То, что мы сейчас наблюдаем в странах восточной Европы, и прежде всего, бывшего СССР, это хаос. И мы до сих пор не знаем, какими будут последствия этого хаоса» (CREA. Oral. Radio, Madrid, 14/01/92 A) В данном примере также можно отметить отсутствие согласования по числу между подлежащим, выраженным местоимением, и сказуемым придаточного предложения.

“*A ver si se acuerda usted de esta cosilla. A ver, de cuala.*” «Посмотрим, помнит ли он об этой вещице. Посмотрим, о которой». (CREA.Oral. ¡Ay! vida mía, 10/06/93, TVE 1)

“*Cuando le explicó que tendría "su-vencción" ("mi cualo?", replicó el Alcalde), Francisco se quedó más tranquilo*” «Когда он объяснил ему, что ему дадут «субсидию» (мою что?- ответил алькальд) Франсиско стал спокойнее». (CREA. Berlanga. “La gazzápira”. 1984)

Появление таких форм, на наш взгляд, является результатом тех же тенденций, которые оказывают влияние на личные местоимения 3го лица и приводят к явлениям леизма, лаизма и лоизма. Расширение парадигмы и возникновение новых форм для женского и среднего родов у местоимения “*cuál*” еще раз доказывает, какой силой обладают закон аналогии, тенденции к обособлению по родовому признаку и к созданию единой системы с одним окончанием для каждого рода.

§ 2.4 Просторечие в системе прилагательного.

Отклонения от грамматической нормы в системе прилагательного наблюдаются при образовании степеней сравнения.

Грамматическая категория степеней сравнения представлена в испанском языке тремя грамматическими значениями: положительной степенью (исходным значением), грамматическим значением собственно сравнительной степени и грамматическим значением превосходной степени сравнения. (Васильева-Шведе, Степанов 1972: 92)

Степени сравнения в испанском языке в основном образуются аналитическим путем при помощи квантификаторов “*más*” для большей степени качества (*comparativas de superioridad*), “*menos*” для меньшей степени качества (*comparativas de inferioridad*). Данные наречия являются морфологически неизменяемыми и в предложении занимают позицию перед прилагательным. (RAE 2010: 855, § 45.1.1a)

Существует также степень равной величины качества (*comparativas de igualdad*), хотя не все ученые склонны ее выделять, так как конструкция с наречием “*tan*” и союзом “*como*” не всегда обозначает равную степень качества. Родольфо Ленц в «*La oración y sus partes*» указывает на то, что простое сочетание *tan* с прилагательным (*tan grande*) эмфатически обозначает высшую степень качества, т. е. элатив. При употреблении отрицательной формы (*no tan grande como*) передается значение не равной, а меньшей величины качества (*menos grande*). (Lenz 1944: 186)

Превосходная степень сравнения, согласно мнению Королевской Академии, подразделяется на относительную (*superlativo relativo*) и абсолютную (*superlativo absoluto*). Для образования относительной превосходной степени сравнения служит сочетание определенного артикля с квантификаторами “*más*” и “*menos*” (“*la más grande habitación*”, “*el gas menos conocido*”). Для образования абсолютной превосходной степени используется суффикс “*-ísimo*” и ли “*-érrimo*” (“*blanquísimo*”, “*paupérrimo*”). Следует отметить, что мы считаем немотивированным выделение *superlativo absoluto* и склонны относить формы с суффиксом “*-ísimo*” к категории элатива.

Большинство качественных прилагательных подчиняются общей аналитической модели образования степеней сравнения, однако, существует закрытый список единиц, имеющих синтетические сравнительную и превосходную степени сравнения, перешедшие в испанский язык из латыни. Они представляют собой синтетические компаративы, заключающие в себе одновременно значение прилагательного и квантификатора сравнения. Для испанского языка такими являются прилагательные “*mejor*”, “*peor*”, “*mayor*”, “*menor*”, сочетающие в себе значение квантификатора “*más*” с прилагательными “*bueno*”, “*malo*”, “*grande*”, “*pequeño*” соответственно.

Аналитические и синтетические формы зачастую существуют параллельно и могут употребляться в одинаковых контекстах, что не противоречит норме. Ненормативными считаются сочетания квантификаторов “*más*” и “*menos*” с синтетическими формами, т.е. сочетания “*más mayor*”, “*más peor*”, “*más mejor*” и др., так как они являются плеонастическими.

Примеры сочетаний “*más mejor*”, “*más peor*”, как в сравнительной, так и в превосходной степени встречаются очень редко и считаются грубым отклонением от нормы. “*Pues esto es lo más mejor que vas a conseguir*” «*Это самое лучшее, чего ты добьешься*». (видео с канала Youtube⁹). Появление

⁹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-fRwhcGMhSU> дата последнего посещения 13.05.16

таких сочетаний говорит о незнании этимологии и недостаточной лингвистической компетенции.

Гораздо чаще встречается употребление “*más mayor*”, когда имеется в виду сравнение по возрасту или по размеру, количеству и интенсивности. Предложения типа “*Martín es más mayor que Elena*” «*Мартин старше Елены*» или “*El baño no es más mayor que la cocina*” «*Ванная не больше кухни*» с избыточным квантификатором противоречат грамматической норме.

Однако данному явлению можно найти объяснение. Такое употребление есть отражение постепенного перехода прилагательного “*mayor*” из сравнительной степени в статус обычного прилагательного в положительной степени. Как отмечается в «Общеиспанском словаре трудностей», данная синтетическая форма употребляется внутри семантического поля возраста как простое прилагательное при противопоставлении маленького ребенка более взрослому (“*Ya eres muy mayor para jugar a esconderte*” ‘*Ты уже слишком большой, чтобы играть в прятки*’), а также когда речь идет о взрослом человеке или лице преклонного возраста. В случае, когда “*mayor*” является прилагательным в положительной степени, оно может образовывать степени сравнения при помощи квантификаторов.(DPD¹⁰)

Вполне логично предположить, что данное прилагательное постепенно начинает терять свое первоначальное значение, и поэтому говорящий уже не воспринимает его как синтетическую форму и видит необходимость в добавлении квантификатора для передачи необходимого значения.

§ 2.5 Просторечие в системе глагола.

Парадигма спряжения испанских глаголов в большинстве своем подчиняется определенным правилам, однако есть закрытый список глаголов, которые в силу исторических причин сохранили нерегулярные формы в нескольких временах всех наклонений. В эту группу входят такие глаголы, как “*tener*” «иметь», “*andar*” «ходить, идти», “*estar*” «быть, находиться», “*venir*”

¹⁰URL: <http://www.rae.es/consultas/mayor-mas-mayor#sthash.vzkOHWoa.dpuf> дата последнего посещения 13.05.16

«приходить», “haber” «иметься», “caber” «вмещаться», “saber” «знать», “querer” «хотеть, любить», “decir” «сказать», “conducir” «вести машину», “traducir” «переводить» и др.

Проанализировав найденные примеры, мы пришли к выводу, что в просторечии встречаются четыре явления, связанные с неправильной парадигмой глагола. Во-первых, это неправильно образованные формы прошедшего времени Pretérito Perfecto Simple и происходящих от его основы форм Imperfecto de Subjuntivo у вышеуказанной группы глаголов, которые также называются “*Pretéritos fuertes*”. Во-вторых, также неправильное образование формы Pretérito Perfecto Simple наблюдается у глаголов первого спряжения. В-третьих, это добавление неэтимологического “-s” к окончанию 2го лица ед. числа глаголов в Pretérito Perfecto Simple. И, наконец, это неправильное образование форм Presente de Subjuntivo. О существовании данных явлений в испанском просторечии также говорит Р. Лапеса, указывая на их широкую распространенность в разные эпохи развития испанского языка. (Lapesa 1981: 470)

Рассмотрим первый случай, то есть пример с ошибочным образованием формы Pretérito Perfecto Simple: “*Pero analice usted la lista y vea que no se andaron por las ramas y que algunos crímenes fueron horrorosos*” «*Но проанализируйте список и посмотрите, что они были немногословны и что некоторые преступления ужасны*». (CREA. Vázquez Montalbán. 1993: 289)

Большинство найденных нами примеров в корпусе CREA отражают неправильные формы глагола “*andar*” в Imperfecto de Subj., что логично, если учесть, что формы на *-ra* и на *-se* в Imperfecto de Subj образуются с помощью основы 3го лица мн. числа глаголов в Pretérito Perfecto Simple. Вместо правильной основы “*anduvier-*“, от которой должна быть получена правильная форма “*anduviera*”, в примерах мы видим форму “*andara*”, возникшую по аналогии с образованием форм Imperfecto de Subj. правильных глаголов первой группы типа “*bailar*”.

“Ella lo que ve es un policía cuarentón y bastante bien parecido que a veces se comporta como si andara despistado y que no parece muy contento con sus obligaciones <...>” «Она видит полицейского лет сорока и довольно приятной наружности, который временами идет, будто сбившись с пути, и кажется, что он не доволен своими обязанностями». (CREA.Marsé. 2000: 14)

Такое формообразование можно объяснить незнанием нормы, а также стремлением свести спряжение неправильного глагола к правильной парадигме, в чем мы видим проявление закона аналогии в языке.

Ошибочные формы Pretérito Perfecto Simple также встречаются у глаголов первого спряжения на “-ar”. Для просторечия характерна замена гласной “a” в окончании 1го лица мн. числа “-amos” на “e” – “-emos”. Таким образом, вместо правильной формы прошедшего времени образуется форма 1го лица мн. числа Presente de Subjuntivo, абсолютно противоречащая контексту. Рассмотрим примеры, найденные нами на одном форуме:

“Ayer terminemos de comer a las 3” «Вчера мы закончили обедать в 3 часа». “El otro día fuimos a casa de Jose y juguemos a la playstation” «Как-то мы пошли к Хосе и играли в playstation» или “Ayer juguemos a las cartas” «Вчера мы играли в карты»¹¹.

Мы не видим здесь исторических причин, которые бы могли повлиять на образование такой формы. Скорее всего, это результат влияния аналогии с формами 1го лица ед. числа в Pretérito Perfecto Simple (“*jugué – juguemos*”). Таким образом, в обеих формах сохраняется одна гласная в окончании, как и происходит при нормативном образовании данных форм у глаголов второго и третьего спряжения (“*comí – comimos*”, “*dormí – dormimos*”).

Как уже было сказано выше, к третьему виду мы относим появления неэтимологического окончания “-s” у форм 2 лица ед. числа глаголов в Pretérito Perfecto Simple, причем примеры показывают, что это характерно

¹¹URL: <http://m.forocoches.com/foro/showthread.php?t=2229388> дата последнего посещения 13.05.16

для многих глаголов, независимо от спряжения (“*hicistes*”, “*dijistes*”). (Lapesa 1981:470)

Данное окончание в некоторой степени отражает те изменения, которые происходили с глаголом при образовании форм времени *Preterito Perfecto Simple* из форм *Perfectum Indicativi Activi* латинского языка. У латинских форм 2го лица ед. числа и в 3х лицах множественного числа с основой на “*amav-*” исчез слог *-vi/-ve*, что привело к образованию следующих форм: “*amavisti*” > “*amaste*”, “*amavimus*” > “*amamos*”, “*amavistis*” > “*amastes*”, “*amaverunt*” > “*amaron*”.

Форма 2го лица мн. числа “*amastes*” существовала вплоть до XVI в., но позднее по аналогии с окончаниями других времен приняла современную форму с окончанием “*-steis*”. В то же время, у формы 2го лица ед. числа также существовала пара “*amastes*” с типичным для 2го лица ед. числа окончанием “*-s*”, которая, как мы можем видеть, сохранилась в языке до наших дней в просторечии. (Litvinenko 1991: 131)

Мы видим здесь влияние закона аналогии и стремление привести парадигму окончаний к единому виду по сходству с другими временами, так как для 2го лица ед. числа характерно окончание “*-s*” во всех временах обоих наклонений, кроме времени *Preterito simple*: ср. правильную форму “*viste*” (*Pret.Simple*) с такими формами, как “*veas*” (*Pres.Ind.*), “*has visto*” (*Pret.Perf.Ind.*), “*habías visto*” (*Pluscuamp.Ind.*), “*veías*” (*Imp.Ind.*), “*verías*” (*Cond.Simple*), “*veas*” (*Pres.Subj.*), “*vieras*” (*Imp.Subj.*).

“- *Muy bien. No serás mi novia, serás mi amiga; esto es lo que te propuse en un principio, y tú dijistes que no.*” « - *Очень хорошо. Ты не будешь моей девушкой, а будешь моей подругой; я предложил тебе это еще в самом начале, а ты сказала нет*». (CREA. Díaz-Cañabate. 1970: 81)

“*Pues se presentó en la Facultad, el día del examen, con dos pistolas aquí y el tribunal decidió unánimemente que el Padre de la Patria tenía derecho a tener el título de abogado y se lo dieron. ¿Tú lo vistes eso?*” « *И вот он пришел на Факультет в день экзамена, с двумя пистолетами и комиссия единогласно*

решила, что Отец Отечества имеет право на звание адвоката и ему его дали. Ты это видал?». (CREA. Barcelona. 13/03/91, TVE 1)

“*Monagas lo agarró entonces de un brazo y le dijo, mientras lo remolcaba: - Mira, vamos aquí lante, ¿oítes?, onde haiga argo abierto, que me voy a beber dos o tres macanasos más.*” «Тогда Монагас схватил его за руку и говорил, пока тащил его: Давай пойдём дальше тут, слышь? Может, будет открыто что-нибудь, я хочу пропустить ещё 2-3 стаканчика». (CREA. Guerra Navarro. 1976: 431)

Следует отметить, что в данном отрывке из произведения Ф. Герры Наварро «Los cuentos famosos de Pepe Monagas» отражены фонетические особенности речи персонажей, например упрощение группы согласных *-st-* и выпадение звука /s/ в форме глагола “*oítes*”, замена сонанта “*l*” на “*r*” в “*argo*”, а также выделяемое нами неправильное образование формы Presente de Subjuntivo. В данном примере это Presente de Subjuntivo от глагола “*haber*” - “*haiga*” вместо правильной формы “*haya*”.

Приведем еще один пример с этим глаголом: “- *Mucha suerte, amigo. - Que la haiga pa los dos— replicó el otro, sumiendo a Felipe en una rara confusión.*” «- Удачи, друг. – Пусть ее хватит на двоих,– ответил тот, приводя Фелипе в странное замешательство». (CREA. Náchter. 1957: 217)

Данная форма отражает наращение неэтимологического согласного “*g*” по аналогии с формами 1го лица ед. числа Presente de Indicativo неправильных глаголов (*verbos irregulares*). Такое наращение является исторической особенностью фонетического развития глагольной системы испанского языка. По указанию Е. В. Литвиненко, у глаголов с основой на “*l*” и “*n*” “*salio*” (*salīre*), “*venio*” (*venīre*), “*tenĕo*” (*tenēre*) йот-элемент не повлиял, как это обычно происходило, на предыдущий согласный, вследствие чего не образовались формы **sajo*, **veño*, **teño*, однако произошло наращение согласного “*g*”, и сегодня формы “*salgo*”, “*vengo*”, “*tengo*” считаются нормативными. Кроме того, согласный “*g*” распространился и на некоторые другие глаголы, давая не только нормативные сегодня формы

“oigo”, “traigo”, но также и “haiga” от лат. “ha(b)ĕam”, встречающееся сегодня, форму “leiga” от глагола “leer” (XIII в.), “huigamos” от “huír” (XVI в.), “atribuigo” от “atribuir” (XVI в.). (Litvinenko 1991: 146)

Неправильное образование формы Presente de Subjuntivo также встречается у глагола “estar”, что, по нашему мнению, также можно объяснить аналогией с образованием формы сослагательного наклонения глагола “ser” – “sea”. “*Cuando baja y hace preguntas, no sólo no le dan explicaciones, sino que le niegan lo que ha visto. “Quizás este fatigado”, consigna, como si, aturdido, un poco les diese la razón*”. «*Когда он спускается и задает вопросы, никто ему ничего не объясняет, а наоборот отрицают то, что он видел. «Может я устал» признает он, будто бы, в растерянности, немного пизная их правоту*». (CREA.Gavilanes.”El bosque perdido” 2000:38) Тот факт, что образование временных форм одного из самых частотных глаголов в испанском языке вызывает трудности, еще раз говорит об очень сильном влиянии закона аналогии.

В повелительном наклонении также наблюдаются несколько отклонений от нормы, получивших широкое распространение в просторечии. Идея побудительности в испанском языке может быть выражена несколькими способами: непосредственного с помощью специальных форм повелительного наклонения, форм сослагательного наклонения, Futuro de Indicativo, Presente de Indicativo, инфинитива и простого герундия от глаголов движения.

Королевская Академия испанского языка порицает употребление инфинитива вместо формы побудительного наклонения по отношению к группе лиц, что часто встречается в разговорной речи. Такое употребление имеет исторические корни, так как, согласно примерам Т. Наварро Томаса в “*Documentos lingüísticos del Alto Aragón*”, встречается в середине XV в.: “*¡Tener al rey!*”. (Frago García 1978: 187)

Нами было найдено большое количество примеров в произведениях К. Арничеса, отражающих речь низших слоев Мадрида. Рассмотрим

некоторые из тех, которые мы обнаружили в сайнете “*El último mono, o El chico de la tienda*”:

“BIBIANO. ¡Ay, por Dios, no se figure usted na malo, que yo soy un chico honrao!

CIRILA. ¡Y yo una chica lo mismo!

MARAVILLAS. ¡Pero no apurarse!...”

“Бибиано:– Ах, ради Бога, не подумайте ничего плохого, я порядочный парень!

Сирила: – И я тоже порядочная!

Маравилья : – Да погодите! (букв. Не спешить!)”

В данном отрывке Маравильяс, дочь хозяина лавки, обращается к слугам Бибиано и Сириле, увидев, как они обнимаются. Здесь нормативным было бы употребление формы 2го лица мн. числа Presente de Subjuntivo “*no os apuréis*”, выполняющей функции отрицательного императива.

“NEMESIO.(Saca la cabeza por el ventanillo.) Oye, tú: ¿siete por nueve...?

LEONCIO. Sesenta y tres.

NEMESIO. Cuando entre otra así, sentármela de espaldas, que no multiplico.”

« Немесио: (высовывается из окна.) – Слушай, ты! Шестью девять...?

Леонсио: – Шестьдесят три.

Немесио: – Когда придет еще одна такая, возьмите ее на себя, потому что мне не умножить».

Здесь представлен разговор продавцов лавки, и Немесио обращается ко всем, кто работает в зале, для чего необходимо воспользоваться формой императива “*sentádmela*”.

По указанию Королевской Академии, инфинитив со значением побудительности возможен по отношению к одному или нескольким лицам, если есть предлог “а”: “*Niños, a dormir!*” (*Дети, спать!*), однако такой узус допустим только в разговорной речи. (RAE¹²)

¹²URL: <http://lsi.vc.edu.es/pablogn/docencia/varios/RAEerrores.html#ap9> дата последнего посещения 13.05.16

Кроме вышеуказанного явления, к просторечию также относится неправильная форма императива глагола “*ir*” – “*ves*”. Данная форма, появляющаяся на месте нормативного “*ve*”, также встречается в староиспанских текстах XV века. (Frago Gracia 1978: 187)

В корпусе CREA нами были найдены примеры современного употребления данной формы:

“*Conozco a más de uno que citaría sin dudar las posaderas y otros, ves a saber*” «Я знаю не одного человека, который бы без сомнения сказал «зад» и еще что, откуда мне знать» (CREA.Prensa.La Vanguardia,02/10/1995: Salvador Llorat). Интересно, что здесь некорректная форма встречается в устойчивом выражении “*ve(te) a saber*”, однако это не мешает говорящему употребить ее.

Приведем также запись из одного испанского блога, рассматривающую проблему формы императива от глагола “*ver*”: “*Se puede oír en piscinas, supermercados, parques públicos, a menudo a voz en grito para darle una orden a un niño: *¡Ves para allá! No está bien, aunque se use mucho*” «Часто можно услышать, как в бассейне, супермаркетах, общественных парках, кто-нибудь кричит, приказывая ребенку : «Иди туда!» Это плохо, хотя и встречается часто»¹³.

По нашему мнению, появление данного явления объяснить достаточно трудно. С одной стороны, есть мнение, согласно которому образование данной формы вызвано влиянием каталанского языка, где императив от глагола “*anar*” «идти» – “*vés*”. С другой стороны, зона распространения не ограничивается только теми областями, где возможна лингвистическая интерференция, и она также не объясняет примеры, найденные в староиспанских текстах. Возможно, окончание “*-s*” появляется здесь для обособления от омонимичной формы императива глагола “*ver*” «видеть»,

¹³URL: <http://correccionentintaroja.blogspot.ru/2013/06/ves-y-ve.html> дата последнего посещения 13.05.16

хотя многими форма “*ves*” наоборот воспринимается именно как глагол “*ver*” в форме 2го лица ед. числа, что только приводит в замешательство.

Итак, подводя итог данной главы, можно сформулировать основной вывод в отношении морфологических особенностей просторечия в испанском языке. Просторечие затрагивает такие части речи, как существительное, местоимение, прилагательное и глагол, проявляясь в отклонениях от грамматической нормы. По большей части отклонения являются отражением давно существующих в языке тенденций, например, тенденции к обособлению среднего рода или вторичной морфологизации, а также закона аналогии, влияние которого направлено на выравнивание парадигмы. Данные тенденции непосредственно формировали испанский язык в прошлом и продолжают играть немаловажную роль сегодня, несмотря на существование литературной нормы и негативное отношение к отступлению от нее.

ГЛАВА III

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ

В данной главе мы рассмотрим, как просторечие реализуется на уровне синтаксиса. Просторечный синтаксис отличается от стандартных для испанского языка моделей, и заключается, в основном, в отсутствии согласования между элементами или появлении нехарактерных сочетаний и нарушении порядка слов в предложении.

§3.1.1 Персонализация безличных глаголов *haber* и *hacer*

Глагол “*haber*” в испанском языке является одним из основных вспомогательных глаголов наравне с глаголами “*ser*” и “*estar*”. История его развития довольно сложна, учитывая произошедшие с ним семантические изменения. В латинском языке глагол “*habere*” передавал значение обладания, а также значение экзистенциальности подобно глаголу “*esse*”, однако со времен поздней латыни он постепенно терял свое лексическое значение обладания и, в конечном итоге, в данном значении был вытеснен глаголом “*tenere*” «*держат*». Причины такого семантического изменения не до конца понятны исследователям. Известно, что в «*Песне о Сиде*» уже имелись случаи безличного употребления глагола, но очень редкие, а уже в «*Чудесах Богородицы*» Гонсало де Берсео появление глагола “*haber*” в данном значении распространено очень широко, хоть временная разница между данными текстами не составляет и века. По мнению Э. Саморы Елисондо, семантическое изменение постепенно развивалось в кругах эрудитов, а после получило свое дальнейшее повсеместное распространение. (Zamora Elizondo 1948: 583)

В настоящее время очень редки случаи употребления данного глагола в его первичном лексическом значении, и, в большинстве случаев, он встречается в экзистенциальном значении как безличный и как вспомогательный глагол при образовании сложных глагольных времен, например Pretérito Perfecto Compuesto de Ind/Subj. (*he hecho, haya hecho*) и Pluscuamperfecto de Ind/Subj (*había hecho, hubiera/hubiese hecho*), Futuro Compuesto (*habrá hecho*) и Condicional Compuesto (*habría hecho*).

Безличный глагол, согласно Королевской Академии Испанского языка, определяется как глагол, который употребляется только в 3м лице ед. числа во всех временах и наклонениях и не указывает на логическое подлежащее. (DLE¹⁴)

В испанском языке безличными глаголами считаются такие глаголы, как “*amanecer*” «рассветать», “*anochecer*” «смеркаться», “*llover*” «идти о дожде», “*nevar*” «идти о снеге» и др., которые в большинстве своем обозначают природные явления, не имеющие агенса. Здесь необходимо отметить, что решение вопроса о личности/безличности глагола представляет собой трудность, так как безличность – вопрос синтаксиса, а не морфологии, в силу отсутствия в испанском языке морфологического показателя для данной категории. Таким образом, глаголы из вышеперечисленного списка иногда все же могут встречаться в формах, отличных от 3го лица ед. числа: “*Los reproches llovieron sobre el colectivo y los espectadores no acudieron al teatro del Orfeo de Sants, donde se representaba*” «На коллектив посыпались упреки и зрители не пришли в театр «Орфео де Сантс», где показывали [спектакль]» (CREA. Prensa. Triunfo, 25/06/1977)

К данной группе глаголов в предложениях определенного типа, называемых “*unipersonales*”, также присоединяются глаголы “*haber*” «иметься», в форме 3го лица ед. числа и в сочетании с прямым дополнением (“*Aquí hay mucha gente*” «Здесь много народу») и “*hacer*” «делать», также в форме 3го лица ед. числа в сочетании с явлениями природы “*Hace sol, Hace viento*” «Светит солнце, дует ветер») или периодом времени (“*Hace 3 días que estoy con el dolor en el pecho*” «Уже три дня у меня боли в груди», “*Hace 3 días volví a Madrid*” «Три дня назад я вернулся в Мадрид»).

Форма глагола (3е лицо ед. число) в предложениях данного типа исторически обусловлена тем, что в древнем сознании каузатором действия, выражаемого предикатом, считалась особого рода внешняя сила (Бог, силы природы), которая предполагается имплицитно. Таким образом, субъект

¹⁴URL:<http://dle.rae.es/?id=bbVXlxq> дата последнего посещения 13.05.16

действия есть, но он не назван, а потому именная группа, следующая за глаголом, является объектом действия, то есть прямым дополнением, поэтому согласования глагола с этой группой быть не может.

Глагольная форма 3го лица настоящего времени “*hay*”, используемая в безличных предложениях, происходит от латинского сочетания “*habet ibi*”, где *ibi* – локатив. Уже в поздней латыни были частотными конструкции “*haber + прямое дополнение*” со значением экзистенциальности, в которых не было выраженного подлежащего, но в качестве логического подлежащего функционировал локатив “*ibi*”, а позднее “*y*”. Он также сохранился и получил развитие в других языках, хотя и в отличной форме: ср. фр. “*il y a*”, кат. “*haver-hi*”. (Gómez Molina 2013: 258)

Мы видим, что этимологически данная конструкция является безличной, и потому следующая за ней именная синтагма выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения. Королевская Академия Испанского языка и многие другие видные лингвисты, например А. Бельо, Р. Секо, Э. Аларкос, настаивают на том, что согласования с прямым дополнением быть не может, и считают просторечием отклонения от данной нормы. Тем не менее, случаи согласования глагола с именной группой достаточно часто встречаются в языке.

Факт существования такой неустойчивости уже много раз становился предметом исследований лингвистов, например А. Бельо, Р. Секо, Х. Луке Морено, Э. Лоренсо, У. Лопес Моралес и др., причем авторы не всегда приходят к единому мнению: некоторые резко критикуют согласованное употребление, а некоторые относятся к нему более лояльно.

В защиту положения о том, что именная группа после глагола является прямым дополнением, говорят несколько фактов. Во-первых, это несогласованность глагола и именной группы. Во-вторых, при замене именной группы на личное местоимение, выбор падает на неударные личные местоимения 3го лица “*lo*”, “*le*”, “*la*”, “*los*”, “*las*”, которые функционируют как прямое дополнение и не могут быть подлежащим “*Hay un libro*”/ “*Lo*

hay”. В-третьих, элементы предложения следуют прямому порядку VO, то есть глагол V + объект O.

В то же время, существуют аргументы в защиту персонализации: главным из них является факт утраты глаголом “*haber*” своего первоначального лексического значения обладания и его переход в сферу экзистенциальности, что подтверждается возможностью замены в предложении данного глагола на глаголы “*estar*” «*быть, находиться*» или “*existir*” «*существовать*»: «*Hay un libro en la mesa*”/ “*Un libro está en la mesa*”. Не менее важным аргументом можно признать невозможность образовать из безличного предложения с глаголом “*haber*” пассивный залог в виде “*Libros son habidos en la mesa*”. Это доказывает, что именная группа является не прямым дополнением, а подлежащим, так как иначе в испанском языке мы бы встречали предложения типа “*Un libro es habido en la mesa*”. В качестве дополнительных аргументов говорят о все чаще встречаемом согласовании глагола “*haber*” с именной группой, а также о возможном влиянии соответствующих конструкций в других языках (*there is/ there are*) на восприятие носителей испанского языка. (Doris Moscol 2010: 134)

На наш взгляд, два вышеуказанных дополнительных аргумента не являются серьезными доводами, так как даже если они и имеют какое-либо влияние, то оно незначительно. Факт все более широкой распространенности говорит только об изменившемся восприятии носителей, а роль других языков не стоит переоценивать, так как распространение английского языка есть явление нашего времени, а персонализация имеет глубокие корни и представляет собой явление историческое.

Примеры личного употребления глагола “*haber*” со значением экзистенциальности можно найти в текстах различных периодов развития испанского языка и его диалектов. Диего Каталан в «*Gran crónica de Alfonso XI. Edición crítica y estudio*» (1976) приводит примеры XIV века, а Р. Лапеса говорит о распространенности этого феномена и в XVII веке,

приводя цитату из *“La pícaro Justina”*: *“Hubieron cosas dignas de memoria”* «*Были вещи, достойные памяти*». (Doris Moscol 2010: 138)

В настоящее время в Испании явление согласования глагола *“haber”* с именной группой некоторыми учеными приписывается влиянию каталанского языка и территориям соприкосновения испанского и каталанского языков (А. Льоренте, Р. Секо), другие считают его чертой испанского языка на Канарских островах (Д. Каталан), а Э. Лоренсо говорит о все большей распространенности данного феномена в центральной части Испании.

Данное согласование вызвано тем, что именная группа перестала восприниматься говорящими как прямое дополнение и кажется носителю подлежащим. Рассмотрим найденные нами примеры из корпуса CREA, демонстрирующие согласование в нескольких глагольных временах (Pretérito Perfecto, Pretérito Perfecto Simple):

“¿Pero es que han habido Gobiernos mejores?” «*Но разве было когда-нибудь лучшее правительство?»*. (CREA.Prensa.El País, 02/08/1989: Parlato: "Italia va hacia atrás con Andreotti")

“<...> es tal costumbre que ni nos paramos a pensarlo, porque, por ejemplo, dicen: "en tal país han habido en una guerra tantas muertes"» «*Мы так привыкли, что даже не задумываемся, потому что, например, говорят: «в такой-то стране на войне погибли столько-то»*». (CREA.Oral. Grupo G 6: Obras Públicas)

“Según refiere la paciente no hubieron complicaciones durante su embarazo y parto.” «*По словам пациентки, во время беременности и родов не было осложнений*». (CREA.Prensa.Conductas Adictivas. 06/04/2004, Vol. 4, núm. 1)

В корпусе CREA не зарегистрированы примеры из Испании, показывающие согласование глагола *“haber”* с именной группой в Imperfecto de Ind., однако есть примеры еще одного изменения, которое происходит с данным глаголом в просторечии, а именно появление формы 1го л. мн. числа *“habemos”* вместо корректной формы *“hemos”*.

Согласно Королевской Академии Испанского языка, форма “*habemos*” является архаичной и сегодня считается просторечной. Академия призывает избегать такого употребления при образовании сложного времени *Pretérito Perfecto de Ind.*, тем не менее, в корпусе CREA мы также находим примеры, иллюстрирующие подобные случаи.

“*Cálmate, mujer, cálmate... Mira, habemos traído la bandera pa envolverlo, como se hace con los gloriosos*”. «Успокойся, дорогая, успокойся... Смотри, мы принесли стяг, чтобы обернуть его, как делается со славными людьми.» (CREA.Rodríguez-Méndez.”*Bodas que fueron famosas del Pingajo y la Fandanga*”, 1976:117). В данном примере мы также наблюдаем черты спонтанной разговорной речи: выпадение интервокального щелевого “*d*”, а также апокопу предлога “*para*” до формы “*pa*”.

“*Disculpad este mal ratillo que os habemos hecho pasar, y ahora vamos a contar..*” «Простите, что заставили вас пережить этот неприятный момент, а сейчас давайте расскажем...». (CREA.Oral.¿Pero esto qué es?, 05/03/90, TVE 1)

Также некорректным считается употребление данной формы в *Presente de Ind.* со значение «быть или находиться» для 1го лица мн. числа. Скорее всего, таким образом говорящий хочет подчеркнуть соотнесение себя с группой, о которой идет речь, однако выбирает для этого неподходящий глагол, что мы видим в примере: “*Y mujeres XL, como dicen en mi barrio “habemos” muchas*”. «И женщин размера XL, как говорят в моем районе, нас «имеется» много». (CREA.Título: 03206025, 2003) В данном предложении корректнее было бы употребить глагол “*ser*”, а не “*haber*” – “*somos muchas*”.

Заметим, что Королевская Академия Испанского языка признает употребление формы “*habemos*” только в том случае, когда этот глагол в разговорной речи употребляется с безотносительным местоимением женского рода “*las*” и возвратным местоимением в функции дательного падежа “*habérselas*” в значении “*enfrentarse*” «столкнуться».

“Son las base de los mitos, relatos y explicaciones causales a través de los cuales entendemos el mundo y la vida, y nos las habemos con ellos a cada paso.”
«Это основы мифов, рассказы и объяснения причин, через которые мы понимаем мир и жизнь, и с которыми мы сталкиваемся на каждом шагу».
(CREA. Giner. Teoría sociológica clásica, 2001)

Итак, рассмотрев некоторые аспекты истории развития глагола “*haber*”, найденные нами примеры из современных источников, а также те примеры, которые исследователи находят в литературе прошлых веков, мы приходим к выводу, что в основе современного употребления данного глагола, признаваемого просторечным, лежат исторические причины. Тот факт, что исследователи до сих пор не имеют единого мнения по данному вопросу, говорит о развивающемся процессе, который со временем может получить более широкое проявление.

Ранее нами было сказано, что сходный процесс персонализации также происходит с безличными предложениями с глаголом “*hacer*”, хотя, по нашему мнению, в меньших масштабах. В словаре Королевской Академии Испанского языка указаны два случая безличного употребления данного глагола: для обозначения прошедшего периода времени (“*hace dos días*”) и при обозначении таких погодных явлений, как температура (“*hace veinte grados bajo cero*”), и общей характеристики погоды (“*hace frío, hace calor*”).

В латыни было несколько способов для обозначения погодных явлений: с помощью глагола *sum, esse* “*Si est calor*” «Если жарко» (*Cicerón*), с помощью формы аблатива “*Tempestatibus*” «буря» (*Varrón*), некоторых отдельных глаголов “*Illucescere*” «светать» и глаголов со значением метеорологических явлений “*tonat*” «гремит гром», а также при помощи сочетания “*facere+Acusativo*”, перешедшего в испанский язык.

В латыни данная конструкция была личной, так как подразумевался деятель, который опускался, так как всегда был одним и тем же и выводился из формы глагола. Факт изначального личного характера высказывания, по мнению М. Перес Тораль, доказывают несколько найденных ею примеров

лексического подлежащего в испанских текстах Средних веков и Золотого века (*“fizo Dios buen tiempo”* «Бог сделал хорошую погоду» из *“Libro de Alexandre”*). (Pérez Toral 1992)

Сегодня опущенный субъект действия уже не воспринимается, и сочетания с глаголом *“hacer”*, с одной стороны, являются некоего рода формулой, но с другой стороны, и именная группа не всегда воспринимается как прямое дополнение, вследствие чего наблюдается просторечный узус. Просторечные формы согласования глагола *“hacer”* с прямым дополнением могут появиться при обозначении периода времени, а также указания температуры, то есть когда прямое дополнение имеет форму множественного числа.

В примере *“<...> el hecho de que las explicaciones típicas de la Psicología Popular sigan siendo hoy las mismas que fueron hacen dos mil años”* «<...> тот факт, что типичные объяснения Народной психологии сегодня остаются теми же, какими они были две тысячи лет назад» говорящий считает подлежащим именную синтагму *“dos mil años”* «две тысячи лет». (CREA, Toribio Mateas, *Eliminativismo y el futuro de la psicología popular*, 1995)

Данное согласование мы наблюдаем и в следующих примерах: *“Hacen veinte grados de temperatura”* «Температура достигает 20 градусов» и *“El invierno pasado hicieron unos días muy frío”* «Зимой прошлого года несколько дней было очень холодно». (Fernández López. *Hispanoteca*¹⁵)

§3.1.2 Позиция неударных местоимений при глаголе

Одной из наиболее часто наблюдаемых нами черт просторечия является изменение порядка следования неударных местоимений при глаголе в личной форме.

Неударные местоимения способны образовывать группы (*se lo, te los, se me* и др.), которые занимают определенную позицию и подчиняются

¹⁵ URL: <http://www.hispanoteca.eu/Foro-preguntas/ARCHIVO-Foro/Hace%20días%20fríos%20o%20hacen%20días%20fríos.htm> дата последнего посещения 13.05.16

строгую последовательность. Королевская Академия испанского языка выделяет пять условий, согласно которым местоимения распределяются между собой:

- 1) Местоимение “*se*” в любом из его грамматических значений занимает первую позицию в группе неударных местоимений. (“*se me olvidó*”).
- 2) Остальные неударные местоимения идут в следующем порядке: местоимение 2го лица > 1го лица > 3го лица.
- 3) Местоимения дательного падежа всегда занимают первую позицию по отношению к местоимениям винительного падежа (“*me lo llevaron*”).
- 4) Неударные возвратные местоимения стоят в препозиции по отношению к другим местоимениям: “*te me acercaste*” (“*te acercaste a mí*”), причем невозможен порядок местоимений в “*te me acerqué*” (“*Me acerqué a tí*”), так как местоимение “*te*” в данном случае не возвратное.
- 5) В случае если местоимения дательного и винительного падежа относятся к 3му лицу, местоимение дательного падежа становится неизменяемым местоимением “*se*” (“*Se lo dije*”).

В просторечии часто встречается нарушение порядка следования местоимений, представленного в первом пункте, когда местоимению “*se*” предшествует неударное личное местоимение дательного падежа первого или второго лица. (RAE 2010:312) Заметим, что примеров, отмечающих неправильный порядок местоимений в других лицах, нами обнаружено не было.

“Bibiano: *Gracias, señorita. No me s'olvidará esta acción*” «Спасибо, сеньорита. Я не этого не забуду» (Arniches 1926)

“<...> *por eso te se ocurren por la noche esas cosas las más raras del mundo, que a mí me encantan*”. «<...> поэтому по ночам тебе приходят в голову такие странные вещи, которые мне очень нравятся». (CREA. Quiñones. “Las mil noches de Hortensia Romero”, 1979: 69)

“*Sí, el susto creo que ya lo estoy lo lo he cogido bastante bien y ya me se han pasado un poquito los nervios de del primer día*”. «Да, страх, я думаю, да я

уже, я справился, и я немного успокоился после первого дня». (CREA. Oral. 14/01/91. RNE, Radio 5)

По нашему мнению, данная перестановка в группе местоимений может быть вызвана, с одной стороны, незнанием правил грамматики, как в примере из произведения Карлоса Арничеса “*El último mono*”, где такая ошибка постоянно наблюдается в речи малообразованного персонажа Бибиано. Однако с другой стороны, мы полагаем, что здесь не исключено влияние спонтанного характера устной речи, когда для говорящего очевидно наличие местоимения дательного падежа, но не глагол, выбираемый им для продолжения фразы, и возникают затруднения, когда при глаголе есть местоимение “*se*”.

§ 3.1.3 Согласование подлежащего и сказуемого.

Случаи систематического отсутствия согласования между подлежащим и сказуемым наблюдаются, когда подлежащее выражено именем собирательным (“*nombre colectivo*”). Под именем собирательным понимается такое существительное, которое в форме единственного числа обозначает совокупность лиц или однородных предметов как неделимое целое. (Жеребило 2010: 348)

Примерами таких существительных в испанском языке являются “*el follaje*” «листва», “*la familia*” «семья», “*el mobiliario*” «меблировка», “*gente*” «люди» и др. Данные существительные обычно употребляются в единственном числе, поэтому при согласовании глагол также приобретает форму единственного числа.

Нами были найдены примеры несогласования в предложениях, где подлежащим выступает собирательное существительное “*gente*”. Заметим, что Королевская Академия Испанского языка указывает на данный факт, но никак его не оценивает (RAE 2010: 214-15). Однако в «Словаре общеиспанских трудностей» рекомендуется избегать предложений без согласования по единственному числу с подлежащим “*gente*”, хотя данная

рекомендация не относится к таким допустимым в разговорной речи случаям, когда говорящий считает себя частью группы и использует форму 1го лица мн. числа или включает в эту группу того, с кем говорит, прибегая для этого к форме 2го лица мн. числа. (DPD¹⁶)

“*A lo mejor esta gente te han dicho que yo soy la chica de la limpieza, pero no hagas ni caso <...>*” «*Возможно, эти люди тебе сказали, что я уборщица, но не обращай внимания <...>*». (CREA.Oral. “¿Pero esto qué es?”, 07/07/89, TVE 1)

“*Es que yo creo que ahora la gente son más decididas*” «*Я считаю, что сейчас люди решительнее*». (CREA.Oral.Conversación 3, Universidad de Alcalá de Henares)

“*No faltaba sino que nos cambiaran eso también, esta gente son capaces de todo*”. «*Не хватало только, чтобы нам и это поменяли, эти люди способны на все*». (CREA. Vázquez.” La vida perra de Juanita Narboni”, 1976: 170)

Причина согласования по множественному числу кроется в характере существительного, так как по определению оно подразумевает несколько человек, и по этой причине говорящему хочется учесть данный факт при построении фразы и согласовать главные члены предложения по принципу *ad sensum*.

§ 3.2 «Декеизм» и «кеизм»

Под «декеизмом» “*dequeísmo*” понимается необоснованное плеонастическое употребление предлога “*de*” перед союзом “*que*”, которое встречается в различных типах предложений, а также после некоторых глаголов.

Изучение явления «декеизма» тщательным образом началось с 1960х гг. Начало исследованиям положили лингвисты из стран Латинской Америки, так как для ученых из Испании данный вопрос не представлял интереса. Однако позже, в связи с распространением такого употребления как в странах

¹⁶URL: <http://lema.rae.es/dpd/srv/search?id=XEVeLzVZaD6CG25cW5> дата последнего посещения 13.05.16

Латинской Америки, так и на Пиренейском п-ове появилось большое количество трудов, изучающих суть вопроса и возможные причины его возникновения. Необходимо отметить, что явление «декеизма» не является новшеством: примеры доказывают его существование в XVIII в., по словам А. Серадиллы Кастаньо. (Serradilla Castaño 2014)

Отношение к явлению «декеизма» на настоящий момент является спорным. Следуя давней традиции, многие ученые (Э. Наньес Фернандес, А. Карнисеро Герра и др.) продолжают считать такой узус отклонением от нормы, ошибкой и «пороком языка» “*vicio de la lengua*”. С другой стороны, существует взгляд на проблему, согласно которому феномен «декеизма» представляет собой развивающееся изменение в синтаксисе испанского языка, которое обусловлено различными факторами и не может считаться отклонением от грамматической нормы. (Casas Navarro 2015: 294)

Хотя данное явление встречается не только в речи людей, не обладающих достаточными лингвистическими знаниями, но также и в речи представителей образованных кругов общества, в прессе и на телевидении, так как Королевская Академия испанского языка и “Словарь общеиспанских трудностей” считают этот феномен отклонением от нормы, мы склонны поддерживать такую точку зрения и считать явление «декеизма» просторечным, несмотря на тот факт, что его распространение приобрело огромные масштабы в разговорной речи.

О явлении декеизма говорят, когда предлог “*de*” появляется перед придаточным подлежащим (*subordinada de sujeto*), так как предлога перед подлежащим быть не может, а единственным исключением для испанского языка считается предлог “*entre*”. Это предложения типа “*me alegra*”, “*me preocupa*”, “*es posible*” и др., которые согласно синтаксической норме вводят придаточное подлежащее с помощью союза “*que*”. Случаи появления предлога перед союзом в таких предложениях довольно часто встречаются как в устной речи и речи литературных персонажей, так и в прессе: “*Me*

alegra de que os hayáis reconciliado” «Я рад, что вы помирились». (CREA. Sierra i Fabra. “El regreso de Johnny Pickup”, 1995: 143)

“Te rodean, te desconciertan, pues el lejano resquicio de lucidez que aún brilla en el fondo de tu cerebro, te lanza, te escupe la duda de si es posible de que se oigan cigarras aquí. «Они тебя окружают, отвлекают тебя, далекий отблеск ясности сознания все еще брезжит в твоём уме, посылает тебе, резко наводит на сомнение насчет того, возможно ли, чтобы здесь слышался стрекот цикад». (CREA. García Sánchez. “El Alpe d’Huez”, 1994: 227)

Еще одним видом придаточных предложений, где часто можно наблюдать явление декеизма, являются придаточные изъяснительные, выполняющие функцию прямого дополнения (*subordinada de complemento directo*). Чаще всего предлог “*de*” появляется после глаголов мышления (“*pensar*” «думать», “*creer, considerar*” «считать»), глаголов говорения (“*decir*” «сказать», “*comunicar*” «сообщать») и глаголов чувственного восприятия (“*ver*” «видеть», “*oír*” «слышать», “*escuchar*” «слушать»). Появление предлога “*de*” здесь также не обосновано, так как прямое дополнение по определению не подразумевает предлога.

“Y ella me dijo de que hiciéramos que tuviese preparada la solicitud del colegio” «И она мне сказала, чтобы мы сделали так, чтобы было готово прошению в школу». (CREA. Oral. Esta noche cruzamos el Mississippi, 22/10/96, Tele 5)

В предикативных придаточных предложениях (*subordinada de atributo*), представляющих собой именную часть сказуемого главного предложения с глаголом-связкой “*ser*”, обычно предлог не требуется, но, тем не менее, предлог здесь тоже может появиться: “*La idea es de que tengan un contacto con esos niños, pero hay gente que tiene cada vez menos dinero y no se ocupa de los niños*” «Идея в том, чтобы у них был контакт с этими детьми, но сейчас у многих людей все меньше денег, и они не заботятся о детях». (CREA. Prensa. ABC, 02/11/1986, “Café con Mila Santana”)

Декеизмом также считается употребление предлога “de” в таких составных союзах, как “a no ser que”, “a medida que”, “una vez que”, к примеру: «Sin embargo, Weegee no necesitaba de las cautelas porque su actuación siempre sucedía una vez de que el peligro se había materializado» «Однако, Виджи не нужны были меры предосторожности, потому что он всегда действовал тогда, когда опасность уже стала реальностью». (CREA. Susperregui. “Fundamentos de la fotografía”, 2000)

“Los Clinton nunca han desaprovechado oportunidad de ensalzar la figura de los Kennedy, a pesar de que a medida de que pasa el tiempo se desinfla la posible comparación” «Клинтоны никогда не упустили случая воздать похвалу семье Кеннеди, несмотря на то, что по мере того, как проходит время, возможное сравнение теряет важность.». (CREA.Prensa.La Vanguardia, 21/05/1994 : Clinton pierde la comparación)

Еще одним случаем декеизма считается замена предлогом “de” предлога, которого изначально требует определенный глагол, то есть нарушение управления (*complemento del régimen preposicional*) . К таким глаголам относятся, к примеру, глаголы “insistir”(en) «настаивать на» “dedicarse” (a) «заниматься, посвящать себя», “intentar” (ø) «пытаться» и многие другие. Рассмотрим пример с глаголом “intentar”, найденный в корпусе CREA:

“Por eso Lesaca yo recomiendo a al al que intente de venir para pasar unos días que venga a Lesaca” «Поэтому я рекомендую Лесаку тому, кто постарается приехать, чтобы провести пару дней, пусть едет в Лесаку». (CREA. Oral. Informe Semanal, 09/07/83, TVE 1)

Как было указано выше, глагол “intentar” не требует после себя никакого предлога, однако, по нашему мнению, в данном примере говорящий использует предлог “de” по аналогии с синонимичным глаголом “tratar de”, также имеющим значение «пытаться, стараться».

Такая аналогия является только одной причиной для появления предлога “de” в необусловленной позиции, так как конкретно в данном случае она обусловлена синонимичностью, но в целом таких пар немного. Другой более

важной причиной мы считаем наличие глаголов, которые могут употребляться как с предлогом “de”, так и без него. Это глаголы “advertir”, “avisar” «предупредить», “cuidar” «заботиться», “dudar” «сомневаться» “informar” «сообщать». Возможно, такая нестабильность оказывает влияние на говорящего в тот момент, когда необходимо решить, следует ли употребить данный предлог уже с другим глаголом. (DPD¹⁷)

Влияние аналогии, как отмечает Ф. Ласаро Карретер, также может быть вызвано именными конструкциями, в которых “de que” необходимо (“Me hizo la promesa de que vendría” «Он дала мне обещание, что придет»), так как оно вводит придаточное определительное (complemento modificador del nombre). По аналогии в синонимичном по значению предложении, но с заменой именной конструкции на глагол “prometer” «обещать» появляется гибридная форма: “Me prometió de que vendría” «Он пообещал мне, что придет». Таких перифраз с заменой одного глагола на отглагольное существительное и глагол с более широким значением достаточно много, а тенденция к их употреблению в последнее время наблюдается все чаще (вместо “declarar” «заявить» – “hacer una declaración” «сделать заявление»). (Náñez Fernández 1984:240)

Не менее важной причиной возникновения гибридных форм являются глаголы, имеющие формальное управление “de”: “acordarse de” «вспоминать о», “alegrarse de” «радоваться», “preocuparse de” «беспокоиться», “arrepentirse de” «раскаиваться». По словам М. Секо в “Gramática esencial del español. Introducción al estudio de la lengua” (Seco 1972:179) данный предлог выполняет чисто соединительную функцию (*puro enlace*), поэтому он может как выпадать, приводя таким образом в явление «кеизма», которое мы рассмотрим ниже, так и восприниматься как необходимая связка в тех случаях, где его появление необоснованно.

¹⁷URL: <http://lema.rae.es/dpd/srv/search?id=vTr05If13D6tGOqCWV> дата последнего посещения 13.05.16

Э. Наньес Фернандес считает, что говорящий, не владеющий языковой нормой в достаточной степени, из двух одинаковых по смыслу фраз (с предлогом “*de*” “*ese toro es difícil de matar*” и без него “*es difícil matar ese toro*”) отдаст предпочтение фразе с предлогом из-за ее более полной выразительности и большей ясности, а большая частотность предлога “*de*”, союза “*que*” и синтагмы “*de que*” в дискурсе приводит к широкому распространению данной синтагмы по аналогии, хотя не всегда случаи ее употребления являются проявлением «декеизма» в его первоначальном значении. (Náñez Fernández 1984: 243)

По мнению Р. Касас Наварро, синтагма “*de que*” воспринимается носителями испанского языка как единый показатель подчинительной связи. В сознании существует идея о необходимости единого показателя, но реальная ситуация в испанском синтаксисе отличается и часто приводит к затруднениям при построении фразы, поэтому говорящий вынужден прибегнуть к помощи усилительного элемента “*de*”. (Casas Navarro 2015: 295).

Мы считаем более правдоподобной гипотезу о широком влиянии аналогии и не склонны разделять точку зрения Р. Касас Наварро, хотя и понимаем аргументы автора. По нашему мнению, о приобретении синтагмой “*de que*” функции единого показателя говорить пока рано, так как существует противоположное явление «кеизма» “*queísmo*”, заключающееся в опущении предлога “*de*” в тех случаях, когда он необходим.

Явления «декеизма» и «кеизма» должны рассматриваться вместе, как противоположные, но неразрывно связанные тенденции. Вопрос «кеизма» также сначала начали разрабатывать лингвисты из Латинской Америки, например А. Рабаналес, П. Бентивольо, М. Архона, М. Сартор. Среди испанских ученых данный вопрос поднимался М. Секо, В. Гарсия Йебра, Л. Гомес Торрего и др.

Судя по примерам Королевской Академии Испанского языка, приведенным в “*Esbozo de una nueva gramática de la lengua española*”, данное явление встречалось уже в текстах Сервантеса “*Hago cuenta que he hallado*

en él un tesoro de contento y una mina de pasatiempos” (Don Quijote, I,6) (RAE 1973:522). Л. Гомес Торрего, основываясь на труде Х. Кенистона “ *The Syntax of Castilian Prose. The sixteenth century*”(1937), говорит о бóльшей распространенности «кеизма» в XVI в. по сравнению с явлением «декеизма».

Следует отметить, что выделяют два типа «кеизма» в зависимости от природы “*que*”: «кеизм», когда “*que*” является союзом, и когда “*que*” представляет собой относительное местоимение. Также не всегда опускается именно предлог “*de*”, это относится и к предлогам “*a*”, “*con*” и “*en*”. По мнению Л. Гомеса Торрего, возникновение данных видов «кеизма» вызвано разными причинами.

В случае с союзом, причиной может быть гиперкоррекция из-за сомнений говорящего и опасения употребить лишний предлог “*de*”. Вторая причина имеет фонетический характер и связана с ослаблением согласного /d/ в интервокальной позиции. Также «кеизм» объясняется характером глаголов и предложений, в которых это явление встречается, о чем мы скажем позже.

Главной причиной выпадения предлога “*de*”, когда “*que*” выполняет функцию относительного местоимения, считается тенденция к экономии языковых средств. А. Бельо также говорит о возможном влиянии французского языка, однако П. Энрикес Уренья опровергает данную точку зрения примерами из староиспанского языка.

В случае с относительным местоимением не всегда отсутствие предлога говорит о «кеизме», так как иногда оно вызвано тем же законом экономии, но считается нормативным, к примеру, когда антецедент имеет значение времени или места “*el día que te conocí*”. (Gómez Torrego 1991: 38-40)

В Словаре общеиспанских трудностей выделяются 7 случаев «кеизма». Во-первых, это отсутствие управления у таких местоименных глаголов, как “*alegrarse de*”, “*fijarse en*”, “*acordarse de*”: “*Es muy simpático este chico y me alegre que se preocupe tanto por nuestra salud*” «*Это очень приятный молодой человек, я рада, что он так заботится о нашем здоровье*». (CREA.Prensa.El País, 01/04/1986 : Tarde de todos)

“Bueno, yo no sé lo que tomasteis ni por dónde lo tomasteis pero me alegro que fuera un café y nada más que un café” «Ладно, не знаю, что вы там пили, ни где вы пили, но я рад, что вы пили только кофе и ничего больше». (CREA.Oral.“Hablando se entiende la gente”, Madrid, 17/01/92, Tele 5)

Во-вторых, это отсутствие управления у неместоименных глаголов (“convencer de” «убедить в», “insistir en” «настаивать на», “tratar de” «пытаться»): *“Les intentamos convencer pero insistieron que tenían órdenes estrictas de sólo recoger a los europeos” «Мы попытались их убедить, но они настаивали, что у них строгий приказ пропускать только европейцев». (CREA.Prensa.La Vanguardia, 21/04/1994: “Ruanda sufre la guerra, el sida, el hambre; todas las miserias posibles”)*

«Кеизм» встречается в предложениях с существительными, требующими предлога перед зависимым от них дополнением: *“Tengo ganas que llueva”* (вместо корректного *“no Tengo ganas de que llueva”*). (DPD¹⁸)

Также к «кеизму» относится опущение необходимого предлога после некоторых прилагательных, являющихся частью именного сказуемого: *“Los responsables de las pesquisas estaban seguros que lo único que podía obligar a Luis Roldán a abandonar su escondite y a quedarse sin protectores era la falta de efectivo”* « Ответственные за поиски были уверены, что единственным, что могло вынудить Луиса Рольдана покинуть свое укрытие и остаться без защиты, был недостаток наличных средств». (CREA.Prensa.La Vanguardia, 28/02/1995)

В выражениях “a pesar de que”, “a fin de que”, “a condición de que”, “en caso de que”, «hasta el punto de que», употребляемых с предлогом “de”, опущение данного предлога также считается «кеизмом»: *“No es frívolo el problema, porque, a pesar que yo esta noche no tenía ganas de hablar de ese tema porque claro, es un tema que <...>”* «Эта проблема серьезная, потому что, несмотря на то, что я этим вечером не хотел обсуждать эту тему, потому

¹⁸URL: <http://lema.rae.es/dpd/srv/search?id=0WI0iLaCjD655ud6n5> дата последнего посещения 13.05.16

что, действительно, эта тема <...>. (CREA.Oral.Debate: la eutanasia, 04/06/87, TVE 1)

Последним случаем, считающимся «кеизмом», в «Общеиспанском словаре трудностей» считается случай опущения предлога “de” в таких глагольных выражениях с существительными, как “*caber/haber, duda de*” «сомневаться в», «, “*darse cuenta de*” «отдавать отчет в»: “*Me di cuenta que él era inocente y así me lo dijeron sus ojos y así me lo dijo él*” «Я понял, что он невиновен, и так мне сказали его глаза, и так же мне сказал он сам». (CREA. Prensa.Triunfo, 02/07/1977: "La Internacional")

Итак, по нашему мнению, явление «кеизма» так же широко распространено в языке, как и явление «декеизма». Мы полагаем, что, хотя причины возникновения каждого из явлений в некоторой степени различны, их необходимо рассматривать в одном ключе, так как, по нашему мнению, они отражают колебания, имеющие место в грамматической системе языка уже довольно долгое время, и являются результатом влияния двух значительных движущих сил языка – законов аналогии и экономии языковых средств.

§ 3.3 Просторечное употребление предлогов

В испанской разговорной речи широко распространены сочетания предлогов “*delante*” «спереди», “*encima*” «над», “*enfrente*” «перед», “*cerca*” «рядом» и др. с притяжательными местоимениями в ударной форме “*mío*”, “*tuyo*”, “*suyo*”, “*nuestro*” и др.

Королевская Академия испанского языка рекомендует избегать такого употребления, так как притяжательные местоимения, как в ударной, так и в неударной форме, могут сопровождать только существительные, но не предлоги. Предлоги могут сочетаться с личными местоимениями при помощи предлога “de”, например “*delante de mí*”, “*encima de ella*”, что является нормативным и наиболее приемлемым с точки зрения грамматики. Однако, несмотря на данный факт, нерекондуемые формы с

притяжательным местоимением встречаются не только в речи, но и в прессе и художественной литературе. (RAE 2010: 349)

Мы склонны считать данное явление просторечием, и по нашему мнению, тот факт, что Королевская Академия Испанского языка только не рекомендует его, но не категорически запрещает, говорит о его переходе на новый уровень. Возможно, здесь также присутствует влияние аналогии, так как имеет место похожая нормативная синтагма “*al lado mío*”, приводящая в замешательство говорящего. Эта синтагма является грамматически правильной, так как в данном случае “*lado*” – существительное, и, следовательно, может иметь при себе притяжательное местоимение, поэтому одновременно возможны такие варианты предложений: “*El coche está al lado mío*” и “*El coche está al lado de mí*” «Машина находится рядом со мной».

Большое количество найденных нами примеров в корпусе CREA еще раз доказывает распространенность данного явления. Приведем некоторые из них, иллюстрирующие сочетания нескольких предлогов с притяжательным местоимением:

“*Permanecer cerca suyo suponía estar sometida a su influjo físico*”
«Находиться рядом с ним предполагало находиться под воздействием его внешности». (CREA. García Sánchez. “La historia más triste”, 1999)

“*Mirando cerca de ti encontrarás, normalmente, un flotador de emergencia. Sí, encima tuyo, me refiero a tus pantalones <...>*” «Оглядевшись вокруг, ты обычно найдешь рядом спасательный круг. Да, на тебе, я говорю о твоих брюках <...>» (CREA, VV. AA. “Supervivencia deportiva” (Manual práctico), 1993).
Данный пример интересен тем, что здесь говорящий в двух следующих друг за другом предложениях использует две разные модели построения: с предлогом “*de*” (*cerca de ti*) и без него (*encima tuyo*).

“*¿Por qué nos enfadamos con el vecino de abajo si vivimos encima suyo?*”
«Почему мы сердимся на соседа снизу, если живем над ним?». (CREA. Prensa. La Vanguardia, 13/02/1994 : ¿GAL? ¿GAL? No me suena)

“Pero no te puedo explicar cómo, ni qué cara tenía, ni nada, porque entonces ves a la plebe o a la masa enfrente tuyo, que te sonríe <...>” «Но я не могу объяснить тебе, как это, ни описать выражение лица, ничего, потому что ты видишь людей, толпу перед тобой, которая тебе улыбается <...>». (CREA.Oral. MA-3. “Mujer de 25 años. Ha estudiado la carrera de piano y canto”)

“Me he metido yo antes que ella y ahora tiene el volante delante suyo.” «Я залез раньше нее [в машину], и сейчас руль перед ней». (CREA.Pérez Merinero.”Días de guardar“, 1981: 27)

§ 3.4 Просторечное употребление наречий

Просторечное употребление наречий и так называемых слов-связок (*conectores*) характеризуется несколькими чертами. Р. Лапеса отмечает, во-первых, употребление наречия “*donde*” в значении “*a/ en casa de*”, а также употребление “*sin embargo*” в значении “*en cambio*”. (Lapesa 1981: 473)

“De madrugada murieron los otros tres camachuelos y la señora Clo, inconsolable, marchó a la ciudad, donde su hermana, para tratar de olvidar” «На утро оставшиеся три снегиря умерли, и сеньора Кло, безутешная, отправилась в город, к сестре, чтобы попытаться забыть». (Delibes 1962)

Заметим, что в данном предложении возможны две трактовки “*donde su hermana*“: как придаточного определительного предложения с опущенным глаголом “*vivir*”, и тогда “*donde*“ – относительное наречие, или в вышеуказанном просторечном значении «*в дом к сестре*». По нашему мнению, первая трактовка является более вероятной.

В отношении смещения значений наречий “*sin embargo*” и “*en cambio*”, нами была замечена тенденция к контаминации данных наречных выражений и образованию единой формы “*sin en cambio*”.

“Dice: “Pues” como no tiene hijos, es joven, dice, “me aburría”, dice, “pero” sin en cambio una amiga de mi hija ha tardado tres años para sacar el Graduado Escolar” «Говорит: «Ну», так как у нее нет детей, говорит, «мне было скучно», говорит, «но» однако, у одной подруги моей дочери ушло три

года, чтобы получить аттестат об окончании школы». (CREA.Oral. Conversación 8, Universidad de Alcalá de Henares)

На наш взгляд, причин появления такой единицы может быть несколько. Во-первых, возникновение некорректной формы может быть обусловлено условиями и характером общения. Так как вследствие линейного характера речи отменить сказанное нельзя, человек вынужден перестраивать свое предложение на ходу. Если говорящий сначала хотел употребить одно наречное выражение, начал говорить, но по какой-либо причине передумал и выбрал другое, мы имеем в результате данную структуру. Хотя заметим, что мы не исключаем, что это смещение вызвано незнанием нормы.

На схожую тенденцию к контаминации наречий “*contra*” и “*cuanto más*” и ее просторечный характер есть указание в Общеиспанском словаре трудностей. Процитируем несколько примеров с ненормативным образованием “*contra más*”: “*Contra más vieja, más loca*” «Чем старше, тем больше она сходит с ума». (Quiñones.”Las mil noches de Hortensia” 1979) (DPD¹⁹)

“*Contra más cerca está el Barça, mejor responde el Madrid*” «Чем ближе «Барса», тем лучше отвечает «Мадрид»». (La Vanguardia, prensa²⁰). По нашему мнению, проиллюстрированная контаминация вызвана недостаточным уровнем владения языком и неумением отличать смысловые оттенки различных наречий и наречных выражений.

Кроме того, из “*cuanto más*” могут также образовываться цельнооформленные слова с различными фонетическими деформациями: “*cuantimás*”, “*contimás*” и “*contrimás*”: “*Y contrimás decía que no, peor me ponía*” «И чем больше он говорил нет, тем хуже мне становилось» (Quiñones. Las mil noches de Hortensia, 1979). (DPD, op. cit) Такие деформации являются отражением фонетических особенностей и давно существуют в

¹⁹URL: <http://lema.rae.es/dpd/srv/search?id=Cbumyr3WLD6Afn24Wr> дата последнего посещения 13.05.16

²⁰URL:<http://www.lavanguardia.com/cultura/20140121/54399398681/estado-islamico-de-irak-y-el-levante-nombre-adecuado.html> дата последнего посещения 13.05.16

языке, что доказывают примеры употребления “*contimás*” в языке Святой Терезы Авильской (XVI в). (De Onís 1949: 363)

Также нами были отмечено нехарактерное сочетание предлога “*en*” с наречием “*jamás*”: “*Pa ser torero hay que tener la cabeza sobre los hombros, no perder en jamás el conocimiento*” «Чтобы быть тореро нужно иметь голову на плечах, никогда не терять сознания». (CREA. Díaz-Cañabate. “Paseillo por el planeta de los toros”, 1970)

“*LEONCIO. (Airado.) ¿Qué quiés decir?*

MARAVILLAS. Lo que digo. ¡Mi padre no ha hecho esto en jamás!”

«*Леонсио: – Что ты хочешь сказать?*

Маравильяс: – То, что говорю. Мой отец никогда такого не делал!»

(Arniches, 1926)

Мы предполагаем, что здесь также могла произойти контаминация выражения “*en mi vida*”, имплицитно выражающего отрицание, и наречия с отрицательным значением “*jamás*”.

Итак, в данной главе были рассмотрены такие синтаксические явления, как изменение нормативной модели согласования по единственному числу с глаголами “*haber*”, “*hacer*” и существительным “*gente*”, что свидетельствует о распространении согласования по принципу *ad sensum*, нарушения порядка следования местоимений, сочетания притяжательного местоимения с предлогом, явления «декеизма», «кеизма» и контаминации наречных выражений. Можно отметить, что, как и в случае с морфологическими особенностями, появление просторечия на уровне синтаксиса зачастую имеет свои исторические причины, а также обосновано влиянием аналогии и определенной логикой.

Заключение

В первой главе данной работы нами было проанализировано соотношение просторечия и литературного языка, их связь и взаимное влияние друг на друга, обусловленное изменениями, происходящими в обществе и в условиях общения. Были рассмотрены различные виды просторечия с точки зрения социолингвистики и указаны основные отличия просторечия от жаргона, аргослэнга. Также был дан краткий обзор существующих разногласий в области терминологии, относящейся к теме. Ознакомившись с различными мнениями, мы пришли к выводу, что наиболее подходящим термином для обозначения просторечия в испанском языке является термин “*lenguaje vulgar*”.

Во второй и третьей главе на материале корпуса текстов CREA и произведений испанской литературы были проиллюстрированы основные морфологические и синтаксические особенности соответственно. Исследование показывает, что просторечные явления при функционировании на данных уровнях языка распределены неравномерно, так как варьирует частотность их употребления. Основываясь на количественном соотношении найденных примеров, можно сказать, что некоторые из проанализированных особенностей, например, образование ненормативных форм множественного числа или вторичная морфологизация местоимения “*cuál*”, встречаются гораздо реже, чем явление лаизма или появление неэтимологического “-s” в окончаниях глаголов в Pretérito Simple. То же можно наблюдать и на уровне синтаксиса, где первое место по частотности, по нашему мнению, занимают явления «декеизма» и «кеизма», тогда как контаминация наречных выражений распространена в значительно меньшей степени.

Можно отметить, что как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне заметно сильное влияние закона аналогии, а также проявление действия некоторых исторических тенденций. Тот факт, что большинство из рассмотренных явлений имеет долгую традицию, позволяет утверждать, что просторечие – это не «порок языка», а отражение характерной для языка

системности элементов, стремления следовать общей логике языка, подчиняющей единицы разного уровня уже существующим моделям. Именно эта общая логика и закон аналогии когда-то привели к установлению той нормы, которую мы имеем сегодня, а в будущем, возможно, приведут к образованию новых норм. Хотя мы не рекомендуем просторечное употребление, по нашему мнению, его нельзя оставлять без внимания, так как ни один специалист в области языка не может заранее точно сказать, какое явление через определенное время распространится до такой степени, что будет принято и станет нормой, а какое канет в небытие.

В заключение, мы еще раз хотим сделать акцент на том, что в данной работе нами были затронуты основные морфологические и синтаксические черты просторечия в пиренейском национальном варианте испанского языка. Вероятно, полученный список особенностей может быть дополнен в результате проведения дальнейших исследований, которые, без сомнения, необходимы.

Перечень принятых сокращений

1. DLE – Diccionario de la Lengua española
2. DPD – Diccionario Panhispánico de dudas
3. RAE – Real Academia Española

Список использованной литературы

Литература на русском языке

1. *Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М:1972. 344 с.
2. *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики// Вопросы языкознания. М: 1955. № 1. С. 60-88.
3. *Попов А. А.* Учебник испанского языка для продолжающих //М.: Языки Народов Мира Тезаурус, 2015. 741 с.
4. *Степанов Г. В.* Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков: монография / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. С. 27-40.
5. *Федосова О. В.* Лексико-прагматические особенности современного испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте. Автореф. дис. М.: 2013. 42 с.
6. *Фирсова Н. М. (1)* Грамматическая стилистика современного испанского языка. М.: Изд-во РУДН, 2002. 352 с.
7. *Фирсова Н. М. (2)* Испанская разговорная речь. El español hablado: Учебное пособие (с грифом Министерства общ. и проф. образования РФ). М.: Изд-во Муравей-Гайд, 2002. 240 с.
8. *Химик В. В.* (1) Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

9. *Химик В. В.* (2) Русское просторечие как лингвистический феномен //Язык, культура и общение в условиях краткосрочного обучения. Материалы юбилейной конференции, посвященной десятилетию ЦРЯиК. СПб. 2000. с. 268-276.
10. *Шапошников В. Н.* Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М.: URSS: Либроком, 2011. 173 с.
11. *Щур Г. С.* О лингвистической ситуации в Шотландии //Социальная и функциональная дифференциация литературных языков: монография / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. С. 264-282.

Литература на иностранных языках

1. *Bello, Andrés; Cuervo, Rufino J.* Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires: 1945. 559 págs.
2. *Casas Navarro, Raymundo.* El dequeísmo: ¿un cambio en progreso de la sintaxis castellana? //Letras. 2015. T. 86. №. 124. pp. 289-310.
3. *De Onís, José.* La lengua popular madrileña en la obra de Pérez Galdós //Revista Hispánica Moderna. 1949. T. 15. pp. 353-368.
4. *Gómez Molina, José Ramón.* Pluralización de "haber" impersonal en el español de Valencia (España) // Verba: Anuario Galego de Filoloxía [en línea], vol. 40. 2013. pp. 253-284.
5. *Gómez Torrego, Leonardo.* Reflexiones sobre el " dequeísmo y el queísmo" en el español de España //Español actual: Revista de español vivo. 1991. №. 55. pp. 23-44.
6. *Frago Gracia, Juan Antonio.* Tres notas de diacronía lingüística: Sobre fonética, morfología y sintaxis //Archivo de filología aragonesa. 1978. №. 22. pp. 187-194.

7. *Lapesa, Rafael*. Historia de la lengua española. Novena edición corregida y aumentada //Biblioteca Románica Hispánica. III. Manuales. 1981. T. 45. 690 págs .
8. *Lenz, Rodolfo*. La oración y sus partes. Santiago de Chili: Nascimento,1944. 572 págs.
9. *Litvinenko E. V.* Historia del idioma español. México, D.F: Quinto Sol, 1991. 160 págs.
10. *Moscol, Doris*. La personalización del verbo haber //Mercurio Peruano. 2010. Nº. 523. pp. 130-141.
11. *Náñez Fernández, Emilio*. Sobre dequeísmo //Revista de Filología Románica. 1984. Nº. 2. pp. 239- 248.
12. *Pérez Toral, Marta*. Los orígenes de ciertas expresiones meteorológicas: sobre un ejemplo del Libro de Alexandre //Actas del II Congreso Internacional de Historia de la Lengua española. Pabellón de España, 1992. pp. 761-770.
13. *Quilis, Antonio*. Notas para el estudio del habla de Madrid y su provincia // Anales del Instituto de Estudios Madrileños. Nº. 1. 1966. pp. 365-372.
14. *Real Academia Española (RAE)*. Esbozo de una Nueva Gramática de la Lengua Española. Espasa Calpe. 1973. 592 págs.
15. *Real Academia Española (RAE)*. Nueva Gramática de la Lengua Española. Manual. Madrid, Espasa Libros. 2010. 968 págs.
16. *Seco, Manuel*. Gramatica esencial del español. Introducción al estudio de la lengua //Madrid: Aguilar. 1972. 259 págs.
17. *Seco, Manuel*. Lengua coloquial y literatura //Diálogos: Artes, Letras, Ciencias humanas. 1984. T. 20. Nº. 2 (116). pp. 5-16.

18. *Serradilla Castaño, Ana Maria*. The rise of dequeísmo in the XVIII century or destabilization of the system // *Zeitschrift für romanische Philologie*. – 2014. Т. 130. №. 4. pp. 928-955.
19. *Zamora Elizondo, Hernán*. Una pesquisa acerca del verbo haber // *Thesaurus : boletín del Instituto Caro y Cuervo*, 4 (3). 1948. pp. 580-585

Словари и справочники

1. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов // *ТВ Жеребило–Назрань: Пилигрим*. 2010. 486 с.
2. *Кожмякина В. А. и др.* Словарь социолингвистических терминов // *Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова*. М.: ИЯ РАН, 2006. 312 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ. 1992. 660 с. [Электронный ресурс]
http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt
[дата последнего посещения 13. 05.2016]
4. *Туровер Г. Я., Ногейра Х.* Большой русско-испанский словарь. *Gran Diccionario Ruso-Español*: более 200 000 слов, словосочетаний и выражений. М.: Русский язык, 2000. 833 с.
5. *Ярцева В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс]
<http://tapemark.narod.ru/les/>
[дата последнего посещения 13. 05.2016]
6. *Diccionario de la lengua española (DLE)* [Электронный ресурс]
<http://dle.rae.es/?w=diccionario>
[дата последнего посещения 13.05.2016]

7. *Diccionario panhispánico de dudas (DPD)*, 2005 [Электронный ресурс]
<http://www.rae.es/ayuda/diccionario-panhispanico-de-dudas>
[дата последнего посещения 13.05.2016]

СПИСОК ТЕКСТОВ

1. *Arniches y Barrera, Carlos*. El último mono, o El chico de la tienda: sainete en tres actos. Barcelona: Casa Editorial Maucci, 1926. 96 págs.
2. *Delibes, Miguel*. Las ratas. Barcelona: Destino, 1962. 192 págs.
3. *Real Academia Española : Banco de datos (CREA)* [en línea]. Corpus de referencia del español actual. [Электронный ресурс]
<http://www.rae.es> [дата последнего посещения 13.05.2016]